

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН**

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА “ИНТЕГРАЦИЯ”
“Государственная поддержка интеграции высшего образования и
фундаментальной науки на 1997-2000 годы”**

**III МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ**

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
(ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1998 г.
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ, ПСКОВСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТЯХ)**

Краткое содержание докладов

**Издательство Санкт-Петербургского университета
1998**

ББК 63.5

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, доцент В.А. Козьмин

Кандидат исторических наук, доцент В.Н. Седых

Редакционная коллегия:

А.В. Гадло (ответственный редактор),

И.И. Верняев, А.Г. Новожилов, Н.А. Иванкова

ISBN 5-288-02173-2

Учреждения, участвующие в конференции: исторический, филологический и философский факультеты Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ), Фольклорно-этнографический центр Санкт-Петербургской консерватории (ФЭЦ СПбК), Санкт-Петербургская академия культуры (СПБАК), Академическая гимназия при СПбГУ, Псковский государственный областной педагогический институт (ППИ), Псковский областной Центр развития одаренных школьников (ПОЦРОШ), Российский этнографический музей (РЭМ), Библиотека Российской Академии наук (БАН).

ISBN 5-288-02173-2

© Издательство С.-Петербургского университета, 1998

*Конференция посвящается 30-летию
Кафедры этнографии и антропологии
Санкт-Петербургского
государственного университета*

Предисловие

20-21 ноября 1998 г. кафедра этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета проводит третью научную конференцию аспирантов и студентов, посвященную этнографическому изучению Северо-Запада России. Цель этой конференции, как и двух предыдущих, состоявшихся в 1996 и 1997 годах, подвести итоги летних полевых исследований в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях, непосредственными участниками которых и по существу их основными исполнителями были аспиранты и студенты кафедры, а также, аспиранты, студенты и молодые научные сотрудники ряда родственных учебных и научных учреждений Санкт-Петербурга, Пскова и Новгорода.

Беря на себя задачу организации ежегодных встреч молодых ученых, занимающихся этнографическими проблемами Северо-Запада, кафедра стремилась:

во-первых, пробудить интерес у начинающих исследователей к истории и культуре населения Северо-западного региона России, который до сих пор остается в этнографическом отношении недостаточно изученным;

во-вторых, создать условия для расширения и углубления знаний о регионе и оперативного обмена свежей, только что полученной в полевых условиях информацией;

в-третьих, создать стимул для вступающей в науку молодежи к активизации экспедиционной и последующей аналитической работы как конкретно в области этнографической науки, так и в пограничных с нею областях — истории, лингвистике, экономике, искусствоведении, музыковедении и других;

в-четвертых, способствовать совершенствованию технологии и методики полевых исследований и тем самым оптимизации общей профессиональной подготовки будущих специалистов;

в-пятых, постепенно добиться координации этнографических и смежных с ними по проблематике исследований в регионе с целью упорядочить и рационализировать весь процесс его изучения, сделать этот процесс плановым, системным, всеобъемлющим, постоянным.

Следует учитывать особенности региона, прежде всего высокий уровень урбанизации и индустриализации его современной культуры, интенсивность внутренних миграций населения, это последнее особенно важно. Регион с катастрофической быстротой теряет остатки традиционной, маркирующей отдельные этносы и этнические группы культуры. То, что было собрано исследователями прежних поколений остается по большей части разрозненным и забытым; те материалы, которые собираются сейчас, как правило, оседают в архивах и кабинетах различных, ведущих полевые исследования учреждений; монографических работ по этнографии Северо-Запада издается мало, публикаций полевого материала — основного источника этнографических исследований, базы изучения этнической и культурной истории — вообще практически нет. Только совместными координированными усилиями можно создать общий свод информации об этнической культуре региона, который со временем станет фундаментом для объективной реконструкции проходивших на его территории этнических процессов, для характеристики его современного этнокультурного состояния и для прогнозирования его будущего этнокультурного развития.

Мы никогда не должны забывать, что Северо-Запад России — полиэтничный регион: здесь наряду с русскими, старожилами и сравнительно недавними мигрантами из различных областей внутренней России, живут и карелы, и вепсы, и ингерманландские финны, и эстонцы, и ижора, и сету, и потомки древней местной общности водь. Кроме них, коренных обитателей края, здесь относительно велик процент переселенцев из Закавказья и с Северного Кавказа, из Поволжья и Сибири, с Украины, Белоруссии и Молдавии. Рост межнациональных (т.е. межэтнических) конфликтов в современном мире, включая Россию, явственно показывает — игнорирование этнической специфики народов, их обезличивание даже на фоне глобального процесса нивелировки культур обостряет самосознание, рождает недоверие между народами и приводит к их вражде и противостоянию.

В конференции 1998 года наряду с ассистентами, аспирантами и студентами кафедры этнографии и антропологии, принимавшими участие в работах полевых отрядов, организованных кафедрой и работавших на территории Ленинградской (Волосовский, Гатчинский, Тихвинский, Вол-

ховский р-ны и муниципальное образование г. Новая Ладога) и Псковской (Печорский и Островский р-ны) областей, принимают участие аспиранты и студенты филологического и философского факультетов Санкт-Петербургского университета, Псковского областного педагогического института, Санкт-Петербургской консерватории (Фольклорно-этнографический центр), Санкт-Петербургской академии культуры, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Библиотеки Российской Академии наук, Российского этнографического музея.

Программа конференции предусматривает проведение тематических заседаний, первое из которых посвящается докладам обзорного характера, содержащим некоторые общие итоги исследования отдельных территорий или групп источников, второе — материалам, характеризующим хозяйственную деятельность и материальную культуру (поселения, жилища, одежда, пища) обследованных групп населения, третье — обрядовой культуре жизненного цикла, четвертое - обрядовой культуре календарного цикла и традиционным верованиям. Пятое заседание отведено двум докладам, имеющим общее значение, — методике полевой работы в контексте общего этнографического источниковедения и итогам трех лет исследования русских и сету в Печорском р-не Псковской обл. В конце пятого заседания предполагается демонстрация двух этнографических фильмов, снятых в Тихвинском р-не Ленинградской обл. (материалы Российского этнографического музея) и в Островском и Печорском р-нах Псковской обл. (материалы кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета).

Кафедра этнографии и антропологии проводит эту конференцию в год своего 30-летия, которому она и посвящается. Изучение Северо-Запада Европейской России в последние годы стало ведущей научной проблематикой кафедры. Вместе с крупнейшими этнографическими центрами Санкт-Петербурга и России: Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и Российским этнографическим музеем — кафедра в течение ряда лет (1993-1996 гг.) активно сотрудничала с университетом г. Турку (Финляндия) по реализации совместной научной программы “Ингрия”, предусматривавшей изучение этнографии Санкт-Петербурга и ближайшей к нему территории. В 1995-1997 гг. совместно с Псковским областным институтом повышения квалификации работников образования кафедра работала над реализацией проекта “Культура и этнос”, который финансировался администрацией Псковской обл. и РГНФ и предусматривал планомерное обследование территории Псков-

ского края. В 1998 г. кафедра приняла на себя руководство совместным с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН проектом “Динамика этнических и этносоциальных процессов на Северо-Западе Европейской России и современная этнокультурная ситуация (на территории Ленинградской Псковской и Новгородской областей)”. Подготовленная кафедрой конференция молодых ученых и студентов, а также настоящий сборник публикаций краткого содержания, заявленных на конференцию докладов, является частью реализации этого проекта.

**Заведующий кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель проекта “Динамика этнических и этносоциальных процессов на Северо-Западе Европейской России и современная этнокультурная ситуация (на территории Ленинградской Псковской и Новгородской обл.)”
А.В. Гадло**

I. Некоторые общие итоги исследования

Особенности традиционной культуры и этнокультурная ситуация в Южном Приладожье и в бассейне реки Сясь

В июле 1998 г. Тихвинский отряд этнографической экспедиции кафедры этнографии и антропологии СПбГУ работал в двух регионах: на южном побережье Ладоги (к западу от г. Новая Ладога), в дд. Дубно, Сумское и Лигово, и в среднем течении реки Сясь, на границе Волховского и Тихвинского р-нов Ленинградской обл. Выбор этих территорий для исследования был обусловлен тем, что, несмотря на незначительную удаленность от крупнейшего научного центра — Санкт-Петербурга, они до настоящего времени остаются этнографически неизученными и даже неописанными.

Комплексное исследование позволило собрать богатый и выразительный этнографический материал, дало возможность выявить общие и своеобразные черты в культуре населения обеих территорий — Южного Приладожья и Посясья.

Сейчас в трех исследованных приладожских деревнях постоянно проживает только 24 человека, но в летний сезон за счет дачников население многократно возрастает. До 1980-х гг. здесь размещалась рыболовецкая бригада колхоза им. Калинина, и рыболовство являлось основным занятием постоянных жителей. В настоящее время никаких предприятий на этой территории не существует, и практически все коренные жители - пенсионеры. В дд. Лигово и Сумское происходит становление фермерских хозяйств. Несмотря на отсутствие регулярного транспортного сообщения, в д. Дубно ведется интенсивное строительство особняков, принадлежащих состоятельным жителям Санкт-Петербурга. Новые постройки, хотя и сооружаются из дерева, но не следуют традиционным образцам. Происходит внедрение ранее неизвестных местному населению садово-огородных культур. Регион является местом охоты и рыбалки для жителей Санкт-Петербурга и ближайших городов Ленинградской обл. На этом фоне здесь складываются новые формы социальных отношений, возникает новая топонимика.

В традиционной культуре населения Южного Приладожья обращают на себя внимание следующие особенности: ориентация на рыбный промысел и обслуживание ладожских каналов, различные водные транспортные средства, развитое скотоводство, в частности коневодство. Духовная культура этого региона развивалась под влиянием как церковной

православной, так и старообрядческой традиции. Это не мешало сохранению архаических представлений о знахарях и колдунах, меньше сохранилась демонология. В преданиях и топонимических легендах края нашла отражение деятельность Петра I.

Через бассейн среднего течения р. Сясь проходит шоссе Новая Ладога — Вологда. Это обстоятельство способствует тому, что численность населения здесь в последние годы заметно увеличивается, причем не в административном (волостном) центре — д. Хвалово, а в небольших, ранее считавшихся неперспективными населенных пунктах. Сюда возвращаются бывшие местные жители, долгое время проживавшие в городах. Вместе с тем, отмечаются многочисленные случаи переселения люмпенизированных горожан из Санкт-Петербурга, также значительно количество приезжих из других регионов страны, которые, прожив здесь несколько десятков лет, адаптируются к местной культуре.

Основным занятием местного населения остается сельское хозяйство, стабильно существует АО «Хваловское», производящее животноводческую продукцию. В прошлом заметную роль играли также лесозаготовки и лесосплав, были развиты обработка льна и ткачество. В ряде деревень изготавливали расписные прялки-золоченки, высокохудожественные столярные изделия, мебель, транспортные средства, домашнюю утварь. Имеются мастера, сохранившие навыки обработки дерева и плетения из сосновой дроби. Во многих деревнях остались традиционные постройки. В духовной культуре стойко удерживаются местные культы, в частности почитание Святого Озерочка у д. Мелекса. Здесь весьма развиты представления о мифологических персонажах (леший, домовый, бука, щукарь), до настоящего времени совершаются обряды животноводческого цикла.

Информация, полученная в период полевых работ еще полностью не обработана, но даже ее предварительный, поверхностный анализ, позволяет говорить, во-первых, о существовании некоторых различий между культурами обеих территорий и, во-вторых, о различных моделях трансформации традиционной культуры под влиянием процессов индустриализации и урбанизации.

Королькова Л.В. (РЭМ)

**Основные итоги полевых исследований
Российского этнографического музея на северо-востоке
Ленинградской области в 1996–1998 гг.**

В течение полевых сезонов 1996–1998 гг. Российским этнографическим музеем были организованы 3 экспедиционных и 7 краткосрочных рекогносцировочных выездов на Северо-Восток Ленинградской обл. Этнографические исследования проводились в Ярославичской и Озерской волостях Подпорожского р-на, Алексеевской волости Тихвинского р-на, а также в Радогощинской и Сидоровской волостях Бокситогорского р-на. За это время были обследованы 26 населенных пунктов, в которых проживает, либо ранее проживало вепское население. В числе последних нежилые деревни: Скамина гора, Спирково (Погост), Макоево, Шигола, Нойдала, Ребов конец, Чидово.

За время работы удалось собрать материал, отражающий различные стороны материальной и духовной культуры вепсов, их эволюцию и современное состояние. Приоритет в исследованиях на указанной территории отдавался собирательской работе, что было обусловлено сегодняшней этносоциальной ситуацией в регионе. В результате целенаправленных поисков вещественных памятников вепское собрание РЭМ пополнилось 70 экспонатами; в фототеку музея поступили 150 негативов и фотоотпечатков к ним. Следует отметить, что все новые поступления были переданы в дар музею. Тематика сборов разнообразна: земледелие, животноводство, прядение и ткачество, рыболовство, жилище, утварь, предметы интерьера, мебель, народные верования. В числе новых экспонатов имеется значительное количество редких и уникальных вещей. Хронология поступивших вещей — середина XIX в.–1990-е гг.

Направление экспедиционной работы 1996–1998 гг. определялось не только задачей пополнить вепское собрание музея, но и планами научно-исследовательской деятельности сотрудников музея. Собранный во время экспедиций материал помог, в частности, завершить тему “Вепские орудия прядения и ткачества”. На основании накопленных в РЭМ источников была разработана типология вепских прялок, определены локальные ареалы различных типов изделий, время изготовления.

Полевой материал, полученный в результате этноархеологических работ, лег в основу разработки темы “История становления и функционирования гончарных центров Обонежья”. На основе тихвинской керамической шкалы разработана классификация и хронология керамики XVII–XX вв. Оятского и Явосьминского гончарных центров. В настоящее время продолжается сбор материалов по теме “Орнаментальные знаки и системы на орудиях прядения и ткачества вепсов”. Новые источники подтверждают высказанное ранее предположение о том, что появление знаков и их систем на орудиях в вепской традиционной культуре следу-

ет рассматривать в рамках христианской культуры и относить к сфере рациональных знаний, а не к сфере искусства.

Полевой материал, собранный за последние 3 года, значительно дополнил представления о современном состоянии и сохранности источников по этнографии вепсов и подтвердил возможность дальнейших исследований в районах их компактного расселения.

Смирнова С.С. (СПбГУ)

**Материалы фондов Национального архива Республики
Карелия как источник по истории населения
Олонецких приходов**

История населения Олонецких приходов рассматривается на кафедре источниковедения истории России СПбГУ в рамках проекта РФФИ "Демографические процессы на Северо-Западе России в конце XVIII — начале XX вв."

Основными источниками являются материалы церковной и гражданской статистики, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Карелия (НАРК).

Фонды НАРК отражают жизнь Олонецкой епархии XVIII — начала XX вв. Среди них следует выделить фонд № 25 Консистории Духовной Олонецкой, включающий ведомости церковно-приходского учета за 1793 — 1924 гг.

Оп. 24 этого фонда содержит 246 дел (метрические книги приходов интересующего нас Олонецкого уезда). Они включают погодную информацию о рождениях, бракосочетаниях и смертях, имеют хорошую сохранность. Консисторские экземпляры метрик имеют небольшие временные пропуски. Прослеживается отсутствие данных за 1832, 1834, 1835 гг. по всему уезду, и по большинству приходов - за 1793, 1795, 1796, 1805, 1806 гг. Иногда эти сведения можно найти в описях смежных уездов, так, Оп. 22. (Петрозаводский уезд. 1745–1905 гг.) содержит метрические книги Олонецкого уезда за 1793 и 1856 гг.

Примечательно, что в фонде содержится также часть приходских экземпляров метрических книг. Таким образом, если один из экземпляров за какой-то год отсутствует, то пропуск иногда компенсируется за счет второго. Для Олонецкого у. можно получить практически полную базу данных по Мегрегскому (с 1793 по 1918 гг., за исключением 1795 г.),

Туксинскому (1793–1918, исключая 1796, 1832 гг.), Юргильскому (1793–1924, кроме 1805, 1806 гг.), Обжанскому (1793–1918, без данных по 1796, 1805, 1806 гг.), Коткозерскому (1793–1924, кроме 1796 г.) приходам. Подобная ситуация является уникальной для метрических книг России, сохранившихся в отечественных архивах весьма плохо.

Помимо метрических книг в фондах НАРК находятся исповедные ведомости, выборочно сохранившиеся за вторую половину XVIII и XIX в. (Оп. 1, 3, 11, 21). Эти документы позволяют восстановить состав прихода по деревням и дворам, изучить структуру семьи, временные изменения этой структуры, а также получить сведения по общей численности населения.

Фонд содержит также клировые ведомости с 1836 по начало 1890-х гг. (Оп. 1, 12). Кроме информации о священниках, их образовании и семьях, состоянии церкви, церковных доходах, эти документы дают нам сведения о прихожанах: росписи по сословиям, данные о числе дворов, душ мужского и женского пола, о величине территории прихода (указывается расстояние деревень от церкви). Здесь же (Оп. 1, 2, 3) находятся "Списки прихожан церковей Олонецкого уезда" за 1769, 1777, 1786 гг., "Сведения о состоянии церковей, духовенстве и пастве" за 1832 г. Материалы по второй половине XIX в. встречаются в делах "О состоянии Олонецкой епархии", отчетах благочинных при обозрении церковей и причтов, в журналах Олонецкой Духовной Консистории (1830–1911 гг.).

Данные по епархии, дополненные документами гражданского учета населения (ревизскими сказками, материалами переписей, документами отчетно-статистического характера), позволяют изучить демографическую ситуацию в уезде с высокой степенью точности путем создания комплексной компьютерной базы данных с последующей обработкой ее математико-статистическими методами.

Егорова Е. (ПШИ)

Славянские имена вчера и сегодня (по материалам диалектологических экспедиций)

Имена людей — часть истории народов. Для человека выбор имени всегда был серьезной задачей. Но задачи при выборе сегодняшнего имени совсем другие, чем у наших предков, например, в XV — XVII вв.

Официальное русское именование людей триедино (личное имя, отчество, фамилия), но может быть еще и прозвище.

Опираясь на данные “Ономастикона” Веселовского и специального справочного тома “Кадастра” (Псковские говоры и их носители: сведения об изученности народной речи с 1945 г. Псков, 1996), можно выявить разницу в именовании людей прошлых веков и наших современников. Кроме того, том “Кадастра”, который содержит сведения об изученности псковских говоров с 1945 г., фактически позволяет выяснить, какие имена были у псковских жителей, начиная не только с 1945 г., но и минимум с последней трети XIX в. (в этом помогают сведения о возрасте псковских информантов).

После принятия христианства на Руси разрешалось давать имена только через церковь, при крещении. Народ тяжело расставался со своими славянскими, дохристианскими именами. Значимость исконно славянских имен была и в том, что в древности настоящее имя давалось человеку по достижении совершеннолетия согласно его заслугам перед родом: Огневед (“ведающий огонь”), Мирина (“примирающая”) и т.д. В “Ономастиконе” еще встречаются чисто славянские имена, которые не употребляются сегодня: Брусника Степанович Калитеевский (помещик, 1550 г.), Некрас Вышемерный (посадский человек в Пскове, 1585 г.) и др. Судя по приведенным сведениям, эти славянские имена стояли на первом месте, подчеркивая их значимость, как для конкретного человека, так и в традиционной структуре имени вообще. Таких случаев немного. И в прошлом (XV–XVII вв.) и, тем более в XX в., в именовании была устойчивая структура: христианское календарное имя занимало первое место, а русское, славянское — второе и третье места, так как они были уже прозвищными: Василий Короставый (псковский посадник, 1435 г.) — от короста “чесотка”; короставый — “чесоточный”; Евдокия Королиха (1585 г., Псков); Балабанов Постник Иванович (1585 г., Арзамас) — от балабан, балабон “большой сокол” (татар.), “жеребец”, “балбес”, “болван”.

Подобные отношения продолжают иногда сохраняться в диалектной речи и нашего времени: Татьяна Ефимовна Кузьмина — Пупиха (Новоржевский р-н, д. Выбор, 1961 г.); баба Маня Лещиха (Пустошкинский р-н, д. Каримово, 1968 г.); Михаил Розочка (Печорский р-н, д. Зимний Бор, 1972 г.). Наблюдения над словообразовательной структурой славянских личных имен и прозвищ могут быть предметом специального исследования.

Не все славянские имена перешли в прозвища. Некоторые существуют и сегодня как официальное имя. Некоторые бывшие лично-

прозвищные имена остались только в современных фамилиях: Некрасов от некраса — имени, затем прозвища.

По данным “Кадастра” и ЗАГСа, наиболее распространенными в Пскове и Псковской области в соответствующие годы являлись такие славянские имена, как Владимир, Владислав, Людмила, Светлана.

Роль имени, прозвища в “большой” или “малой” социальной жизни человека велика: закрепляются традиции, отражаются определенные ситуации; фиксируются социальные условия жизни людей разных возрастов.

Григорова Н., Петрова Н., Лекарева Л.А. (ПОЦРОШ)

**Слово СКОБАРЬ в языковом сознании жителей
Пожеревицкой волости (Дедовического района, Псковской области)
Этнолингвистический аспект**

Слово СКОБАРЬ достаточно широко известно носителям русского языка в значении “житель или уроженец Псковщины”. Употребление этого слова на территории Псковской области исследует в своей статье псковский лингвист В.К. Андреев, который рассматривает разные версии происхождения данного слова и предлагает свою — лингвистическую (Андреев В.К. Откуда пошли скобари? //Псковские говоры и их носители (лингвоэтнографический аспект). Псков, 1995. С. 8-10).

Цель данного исследования — попытаться выяснить, насколько живым в языковом сознании жителей сельской местности является слово СКОБАРЬ, какие оно имеет значения и есть ли отличия в наименовании лица по отношению к себе или другому лицу (лицам): это Я (МЫ) — это не Я (не МЫ).

Исследование выполнено на основе языкового материала, собранного участниками I Псковской областной школьной краеведческой экспедиции “Истоки”, которая работала в Пожеревицкой волости Дедовического р-на летом 1998 г.

Материал собирался путем бесед с местными жителями пожилого возраста — уроженцами данной местности, поэтому он отражает особенности мировосприятия и язык старшего поколения.

Всем жителям задавались вопросы: “Кого назовут СКОБАРЕМ?”, “Что означает слово СКОБАРЬ?”, “Знаете ли Вы происхождение этого названия?”

На вопросы, связанные со словом СКОБАРЬ, жители отвечали охотно, давали часто подробные ответы.

Проанализировав собранный материал, мы выяснили, что слово СКОБАРЬ местное население употребляет в нескольких значениях:

1. СКОБАРЬ — уроженец Псковской обл. По ответам можно судить, что так называют псковичей те, кто не живет в Псковской обл. При этом говорящий не высказывает отрицательного отношения к такому наименованию лица;

2. СКОБАРЬ — я и любой житель Псковской обл. Прямого ответа мы не услышали, никто не сказал: “СКОБАРЬ — это я”, но можно это предположить из пояснений: “СКАБАРИ — фсе пскофские, с Петром связано” (записано в д. Михалево); “СКАБАРЬ — любой, кто са Пскофская области. Петр I прозвишшэ дал. Эта званье давнешнае” (записано в д. Дирины Горки);

3. СКОБАРЬ — прозвище жителей Псковщины с отрицательной окраской как в качестве самоназвания, так и в употреблении этого слова по отношению к другому лицу;

4. СКОБАРЬ — житель г. Пскова, а также сам г. Псков: “Пскоф — эта СКАБАРЬ. Из горада Пскова — эта СКАБАРЬ” (записано в д. Вышегород).

Возможно, говоря о городе, говорящий имел в виду всех жителей Пскова;

5. СКОБАРЬ — чужой, любой человек, который откуда-либо приехал в данный населенный пункт, т.е. скобарь — это не я: “Василий СКАБАРЬ — приехал аткуда-та. Кагда кто прияжжает, дают такое прозвишшэ” (записано в д. Дирины Горки);

6. СКОБАРЬ — название песни и мелодии, давно живущих в Псковской обл.: “ В молодости: спой песенку СКАБАРЬ, а я патпаю. В Ускагупском живет гарманист Алексей, играет СКАБЯРЯ” (записано в д. Вышегород).

Таким образом, мы видим, что слово СКОБАРЬ известно носителям вышегородского говора и их соседям в нескольких значениях, но ответы звучали только на прямые вопросы именно об этом слове. Ни в одном случае мы не услышали слова СКОБАРЬ при беседах о названии лица по месту жительства. В этих случаях употребляются наименования, образованные от названия населенного пункта (вышегородские, вышегородцы и т.д.). На основании этого можно сделать вывод о том, что в сознании местных жителей слово СКОБАРЬ — в значении лица по месту жительства - обладает отрицательной оценкой и употребляется, если об

этом спрашивают, чаще по отношению к другому лицу (СКОБАРЬ — это НЕ Я, СКОБАРЬ — это ДРУГОЙ).

Совсем иная реакция проявлялась, когда задавался вопрос о прозвищах: люди не хотели говорить на эту тему или отвечали уклончиво, смеясь. Причина этого, видимо, в том, что прозвища, которые служат дополнительным индивидуальным наименованием человека в замкнутых коллективах, каким является деревня, даются окружающими с учетом каких-то особенностей во внешности, поведении, характере лица и не всегда принимаются человеком. Для местных жителей участники экспедиции были чужими — по этой причине прозвищ было записано очень мало.

Выводы:

1. Слово СКОБАРЬ известно жителям старшего поколения Пожеревицкой волости в нескольких значениях, которые перечислены выше;
2. Название СКОБАРЬ, обозначая лицо по месту жительства, обладает дополнительной отрицательной окраской: СКОБАРЬ — чужой, не я.

Наблюдения над употреблением слова СКОБАРЬ в речи жителей Пожеревицкой волости позволили увидеть, как в языке отражаются взгляды человека на свое место в окружающем мире среди других групп людей.

**Вопросы жанровой классификации лирических песен
северо-западных областей России
(по материалам фольклорных экспедиций СПб Консерватории и
Фольклорно-этнографического центра).**

1. В течение последних десятилетий Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова (с 1991 г. совместно с Фольклорно-этнографическим центром) осуществляет планомерное и систематическое обследование северо-западного региона России (руководитель экспедиций — А.М. Мехнецов). В результате экспедиционной работы сформировано крупнейшее собрание материалов по народной традиционной культуре Псковской, Новгородской, Ленинградской и Тверской областей, включающее в себя фонд звукозаписей образцов музыкального фольклора, видеозаписи, образцы материальной культуры, рукописные материалы. Решая задачу систематизации и классификации экспедиционного фонда, научный коллектив ФЭЦ разрабатывает проект электронного каталога собрания материалов по фольклору северо-западных областей России (проект № 95-04-12026в поддержан Российским гуманитарным научным фондом).

2. Одно из ведущих мест в жанровой системе песенных традиций Северо-Запада занимают **лирические песни**. Музыкально-поэтические формы народной лирики составляют **жанровую область**, которая обособляется в жанровом массиве русского фольклора в связи с особой функционально-смысловой направленностью (лирическое повествование). Полевые материалы свидетельствуют о сохранности на территории северо-западных областей России развёрнутого комплекса лирики. Зафиксированные в экспедициях лирические песни характеризуются многообразием музыкально-поэтических форм, историко-стилевой многослойностью языковой системы, разнообразием способов бытования. Дифференциация на разных уровнях характеристик создаёт необходимость выработки принципов классификации собранного материала. Отметим, что сюжетно-тематический подход к систематизации лирики, принятый в филологических исследованиях, не отвечает в полной мере задаче жанровой группировки лирических песен.

2. Основной категорией, лежащей в основе научной каталогизации, является **жанр**. Жанровая атрибуция художественной формы предполагает последовательное рассмотрение следующих аспектов:

- **структура** — закономерности организации фольклорного текста, системные связи художественной формы и контекста;
- **содержание** — отношение к действительности, смысловое наполнение художественной формы;
- **стиль** — специфика системы средств выражения.

Важнейшим классификационным признаком художественной формы является её **функция**. Выявление функциональной направленности раскрывает внутренние взаимосвязи жанровых признаков, что позволяет дать определение жанра как системы нормативов и принципов.

3. Исходя из вышеизложенных подходов, жанровая классификация народно-песенной лирики основывается на выявлении функциональности различных форм лирического повествования. Принципиально важным оказывается наблюдать фольклорный текст в системе культурной традиции, учитывая все обстоятельства его бытования (в этой связи вводится категория "фольклорно-этнографический текст". Так, сведения о приуроченности исполнения лирики дают новый взгляд на жанровую природу лирических песен, определяемых в традиционной (филологической) фольклористике как "необрядовые". Экспедициями зафиксированы следующие сферы функционирования лирических песен:

- строгая закреплённость за определёнными обрядовыми ситуациями календарно-земледельческого цикла и свадебного ритуала;
- функционирование в среде мужских певческих артелей;
- включённость в ситуации народного праздника и традиционного быта.

Приуроченность фольклорных текстов не является формальным признаком. Анализ способа и обстоятельств исполнения песни (место, время, акциональный ряд, манера звукоизвлечения и др.) позволяют выявить смысловые основания возникновения художественной формы, обуславливающие её жанровую специфику. В процессе структурно-типологического анализа обнаруживаются стилевые истоки выделенных по приуроченности песенных групп (как на уровне поэтики, так и в области музыкальных средств):

- сфера женской певческой традиции (область календарно-обрядового и свадебного фольклора);
- сфера мужской певческой традиции (эпос, область трудовых артельных песенных форм);
- сфера городского музыкального быта.

На заключительном этапе жанровой группировки определяющее значение имеет выявление принципов согласования всех элементов фольклорно-этнографического текста на функциональном уровне:

- песни-жалобы (обрядово-магическая функция);
- балладные песни (функция сообщения);
- лирика "молодецкого" цикла (функция повествования);
- песни позднего исторического слоя (художественно-эстетическая функция).

Малинова О.Ю. (СПбГУ)

Жизнь псковской деревни советского времени

Проводя полевые исследования в русской деревне, этнографы, как правило, уделяют мало внимания послереволюционному, военному и послевоенному периодам. Вопросы изменения традиционного быта и культуры и формирования новых форм почти не находят отражения в исследованиях. Сообщение посвящено советской деревне колхозного времени и имеет целью сравнение общинных отношений в дореволюционной деревне и в деревне колхозной.

В основу сообщения положены материалы, собранные в округе пос. Воронцово Островского р-на Псковской обл. в июле 1998 г. Было опрошено 20 информантов рождения 1910-1940-х гг. из Воронцовской и Шиковской волостей.

Новые социально-хозяйственные организации советского времени — коммуны, колхозы, совхозы — строились, с одной стороны, в соответствии с административно предписанными уставами и инструкциями, с другой стороны, в соответствии с традиционным бытовым укладом местных территориальных общин.

Коммуны, появившиеся в середине 20-х гг., основывались на хозяйственной базе барских усадеб и представляли собой общежития с общим столом и общей земельной собственностью. Коммуны относительно быстро изжили себя: работа на уравнительной основе (время и доходы) себя не оправдала, а начальный капитал был истрачен. В период "сплошной коллективизации" коммуны исчезли, стали организовываться колхозы, в 60-е гг. — совхозы.

Колхоз делился на бригады, во главе которых стояли бригадиры. Бригада формировалась, как правило, из жителей одной деревни и дели-

лась, в свою очередь, на звенья. Звенья являлись фиктивной единицей, т.к. в работе такое деление себя не оправдывало. Председатель колхоза был одновременно председателем правления и главой колхозного собрания. Правление состояло из агронома, зоотехника, бригадиров. Однако, существовали также “уважаемые люди”, с которыми советовались по хозяйственным делам. Они могли входить в состав правления. “Уважаемые люди” также имели вес при решении важных вопросов и на сельском сходе в конце XIX — начале XX вв. Колхозное собрание информировалось председателем о решениях правления по хозяйственным вопросам, формально избирало правление и председателя.

Судебно-правовые вопросы решало правление (дела о незначительных хозяйственных нарушениях, прогулах, опозданиях на работу). Правление могло налагать взыскания, например, привлекать к принудительным работам на условии снижения оплаты труда (до 25 %). Дела более серьезные разбирали приезжавший из Острова милиционер, отделение милиции, районный суд. Такие конфликты, как выкос чужого сена разрешались самими заинтересованными сторонами без обращения к властям. Большое значение в деревне, как и прежде, имело общественное мнение, которое оказывало давление на потерпевшего или обидчика. В результате, например, редки были разводы — супругов стыдили и укоряли соседи.

Личной собственностью колхозника являлось приусадебное хозяйство — 35 соток земли. Сено распределяли или “углами”, т.е. маленькими участками, или (в 60 — 70 — 80-е гг.) долями (процентами) от выкошенного колхозного сена (10 процентов — косцу).

Личное стадо по традиции пасли по очереди отдельно от колхозного, иногда нанимали пастуха.

Традиционной чертой деревенской жизни является взаимопомощь. Погорельцам помогали, но не всем — это было дружеское участие. Сейчас очень распространена картофельная *толока*: хозяева помогают друг другу сажать картошку. Толоку собирают для строительства дома. Во времена колхозов, как и в старину, организовывалась навозная толока. Колхозники возили навоз на поля, используя свои подводы; соревновались в скорости вывоза. Толока была одновременно деревенским праздником, сохранялась традиция ритуального обливания участников толоки водой, в домах варили кисель.

Наряду с престольными и государственными праздниками отмечалось окончание сельскохозяйственных работ. Иногда специально по этому случаю резали теленка из колхозного стада.

Колхозы представляли собой новую форму организации труда, но наряду с новыми чертами быта сохранялись некоторые традиционные.

Привалова О.Е. (СПбГУ)

**Колхозный быт и колхозные праздники в псковской деревне
(по материалам экспедиции 1998 г. в Островский район
Псковской области)**

Тема календарной обрядности русских послереволюционного периода до сих пор мало изучена этнографами. Совсем немного свидетельств, касающихся данной проблематики, мы можем найти в этнографической литературе. Колхозный быт с каждым годом становится все более отдаляющейся историей.

Колхозный быт и колхозные праздники представляют собой синтез новых явлений и накопленного в прошлом опыта. Колхоз для русской деревни стал фактором, задержавшим распад общины, ярко обозначившийся в начале XX в.

В новых условиях местом проведения общинных сходок и праздников, средоточием общественной жизни становится колхозный клуб. До войны в колхозном клубе почти каждый день показывали кино, в выходные по вечерам устраивали танцы. Молодежь собиралась на деревенские вечеринки (*вечера*), хотя зачастую по традиции снимали у кого-нибудь избу. На вечерах не работали, пели песни, плясали под гармонь, устраивали танцы (*коробочка, ту-стен, краковяк, семеновна, серберьянка*), пели частушки, в том числе и *срамные*.

На Новый год председатель колхоза дарил всем подарки. В клубе устраивали елку с ряжеными: одевали *ермяк*, лапти, покупные маски. Устраивали представление с участием Деда Мороза, Снегурочки и т.д. Этот факт является яркой иллюстрацией сочетания традиции и новизны в культуре колхозного времени. Устраивался также колхозный праздник “Русская зима”, который по своей сути являлся продолжением традиционного празднования Масленицы.

Интересным явлением колхозного времени, корни которого также можно обнаружить в прошлом, было празднование посевных и уборочных всем колхозом. По случаю окончания сева или окончания уборки готовили еду, делали столы на улице. Раздавали подарки передовым работникам (женщине, например, платок или отрез ткани на платье, мужчинам

— рубаху и т.п., могли давать деньги). Эти подарки дарил председатель колхоза, были также подарки от областного и городского начальства. Праздник начинался с 12-ти часов. Сначала подводили итоги. Выступал председатель. Иногда давали концерт артисты местной самодеятельности. Затем происходило гулянье. Привозили бочки с пивом, водку, различную закуску. Играли на гармошке, плясали. По словам информанта, “это почти как престол, только все вместе в одном доме”.

Перестали отмечать подобные праздники со времени “перестройки”, когда, по словам информантов, стало окончательно разваливаться колхозное хозяйство.

Заслуживают внимания празднование 1-го мая, 7-го ноября, колхозные праздники по окончании отчетного года, школьные и интернатские праздники, празднование Женского дня, Дня пожилого человека.

Сразу после революции делались попытки внедрить в народную среду большое количество новых празднеств, насаждавших в деревне революционную идеологию. Но эти попытки были искусственными и поэтому такие праздники и обычаи, как правило, не прижились. Развитие получили лишь те, которые были связаны с местной праздничной традицией.

Чистяков А.Ю. (СПбГУ).

**Особенности традиционной культуры населения
Южной Ингерманландии в первой половине XX в.
(по материалам этнографической экспедиции 1998 г.)**

Летом 1998 г. полевые работы проводились в Волосовском и Гатчинском р-нах Ленинградской обл. Изучались представители трех этнических общностей: русских, ингерманландских финнов и эстонцев. Поскольку исследование являлось первым этапом проекта “Динамика этнических и этносоциальных процессов и современная этнокультурная ситуация в Северо-Западном регионе Европейской России”, перед экспедицией стояла задача выявления особенностей традиционно-бытовой культуры этих групп, влияние на них межэтнических контактов.

Собранные сведения позволяют говорить о существовании в первой половине XX в. многочисленных параллелей между культурой финского и русского населения. Контактам способствовала система расселения — финны и русские во многих случаях жили в одних деревнях. Эстонцы,

которые переселились в Ингерманландию в конце XIX - начале XX вв. выступают как в значительной степени обособленная общность. Они расселялись на хуторах и относительно мало контактировали как с финнами, так и с русскими.

В начале XX в. значительная часть населения являлась потомками питомцев С.-Петербургского воспитательного дома: крестьяне содержали сирот за установленную плату, и многие из питомцев оставались жить в деревнях. В населенных пунктах с преобладанием финнов питомцы зачастую лучше говорили по-фински, чем по-русски, формально оставаясь православными. Финны называли питомцев и их потомков *lerikovellone* — ненастоящие русские (буквально — "ольховые русские").

Материальная культура населения региона в первой половине XX в. уже не имела четко выраженной этнической специфики. Сохранялись отдельные элементы в женской одежде финнов: например, ношение длинных разноцветных юбок.

В большей степени этноспецифические черты прослеживаются в духовной культуре. Стойкость традиции в этой сфере поддерживалась конфессиональными различиями (русские — православные, финны и эстонцы — лютеране).

В свадебной обрядности финнов в начале XX в. сохранялось значительное число этноспецифических черт. Так, они зафиксированы на этапе сватовства и сговора. В доме невесты финны проводили церемонию, называемую *turakat* (буквально — "курение", от глагола *turakoida* — курить), на которую жених приглашал парней деревни. Сохранились воспоминания об осмотре невестой дома жениха. Есть сведения о традиции двухконечной свадьбы (праздник проходил отдельно в доме жениха и невесты), типичной для восточных районов Финляндии (Карьяла) и Эстонии.

Погребальная обрядность у финнов и у русских была одинаковой. Тесные контакты привели к распространению в финской среде традиции престольных праздников. Известны многочисленные случаи празднования Рождества как по лютеранскому, так и по православному календарю.

Разрушение традиционной культуры относится к периоду Великой Отечественной войны, когда произошли существенные изменения в этническом составе населения. Финны были вывезены оккупационными властями в Финляндию, и вплоть до середины 1950-х гг. существовал запрет на их расселение на территории Ленинградской обл. Большая часть эстонского населения также была вывезена — в Эстонию, и многие уже не вернулись обратно. Опустевшие после войны деревни заселялись рус-

скими из других областей (Ярославская, Калининская). В настоящее время русское население является преобладающим в регионе.

II. Хозяйственная деятельность и материальная культура

Верняев И.И. (СПбГУ)

Традиции землепользования и их изменения в первой половине XX в. (по материалам полевых исследований в Воронцовской волости Островского района Псковской области)

Традиции землепользования — один из самых существенных элементов крестьянской культуры. Ими определялся весь строй сельской

жизни. Доклад посвящен особенностям землепользования в крестьянских общинах восточной части Островского р-на и тем изменениям, которые оно претерпевало во второй половине XX в.

Земельные владения общин состояли из усадебной, полевой и сенокосной земли, выгонов, леса, неудобной земли.

Усадебная земля находилась в наследственном пользовании отдельных дворов, но деревня сохраняла свои высшие права на нее. Каждому двору выделялось одинаковое количество усадебной земли. При семейно-имущественном разделе деревенский сход выделял отделившемуся двору усадебную землю из общинного резерва. Усадебные земли “выморочных” и выбывших дворов переходили в распоряжение общины.

В большей степени общинные права проявлялись в отношении полевой земли. В дореволюционный период переделы полевой земли практически не проводились. Каждый двор наследственно владел своими однажды выделенными ему полосами земли во всех общинных полях. Переделы полевой земли в большинстве деревень изученной местности были проведены в 1918 — 1919 гг. Во время переделов в послереволюционные годы дворы наделялись общинной землей по количеству проживающих — по едокам. При этом перераспределение земли происходило не только внутри отдельных деревенских общин, но и между ними.

В дальнейшем, в 20-е гг. XX в., коренные переделы практически не проводились. Но в некоторых деревнях в случае изменения наличного состава крестьянских дворов практиковались частные *скидки* и *накидки* земельных паев: часть полос передавалась от уменьшившихся численно семейств тем, в которых число членов увеличилось. Однако многие деревни не допускали скидок/накидок. В случае недостатка земли домохозяева стремились скопить деньги, чтобы купить дополнительный пай.

Хороших сенокосных угодий в большинстве деревень района не хватало. Сенокосы в 20-е гг. ежегодно делили паями по числу едоков в семьях. Небольшие, но качественные, луга все хозяйства деревни выкашивали совместно, артелью, а затем копнами делили между собой.

Выгоны в деревенских общинах повсеместно находились в общем нераздельном пользовании. Скот дворохозяйства выпасали по очереди. Хороших выгонов, также как сенокосов, не хватало. Выгоны располагались, как правило, на неудобной для обработки земле — на болотах, в лесу, на пустырях, поросших кустарником. В дореволюционный период многие общины были вынуждены арендовать землю под выпас у местного землевладельца. В 20-х гг. при содействии органов мелиорации неко-

торые общины осуществляли осушение болот, в результате чего появлялись новые участки земли, используемые для выпаса.

Лесные угодья деревенских общин были незначительны. Небольшой общинный лес не делился на участки между отдельными домохозяевами. Домохозяин, нуждающийся в лесоматериале, обращался к деревенской сходке, которая давала разрешение на порубку.

В 20-е гг. во многих деревенских общинах с помощью государственных земельных органов было проведено землеустройство. Часть деревень при содействии землемеров перешла к широкополосице, часть — к отрубной или хуторской системе. Землеустройство осуществлялось при согласии деревенского схода, сход определял его вид. В некоторых деревнях были споры, какой вид землеустройства предпочесть. Часть хозяйств, как правило более зажиточных, желала выйти на хутор. Но для многих дворов было трудно организовать хуторское хозяйство, так как это связано с необходимостью переносить или заново строить жилые и хозяйственные постройки, прокладывать новые дороги. Поэтому они предпочитали переход на широкополосицу или на отруба. Некоторые деревни находили возможным сочетать различные виды землеустройства. При землеустройстве хозяйства наделялись землей по количеству едоков.

Выгон при широкополосице и отрубной системе оставался общим, скот продолжали выпасать единым стадом, сохранялась прежняя очередная система выпаса.

В ходе проведения в 1932–33 гг. массовой коллективизации хуторские и отрубные дворохозяйства, а также мелкие деревни сселялись в крупные колхозные поселки, их земли объединялись в едином колхозном хозяйстве. Для крестьянских дворов в это время особое значение приобрели приусадебные огороды, где высевались даже зерновые культуры.

В годы немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) колхозы были распущены. Деревня вернулась к традиционным принципам землепользования. Многие жители возвращались в свои оставленные при коллективизации деревни. Колхозная земля была разделена между дворохозяйствами. Разделом занимались сами жители деревень. Как и в послереволюционные годы, земля была разделена по количеству едоков. Сенокосы в период оккупации ежегодно делили “по паям”. Один пай выделялся на одного едока.

Подводя итоги, можно сказать, что в первой половине XX в. сохранялись многие традиционные нормы землепользования. Их изменения были связаны с проведением землеустроительной политики и введением

колхозной системы. При определенных обстоятельствах традиционные нормы возрождались.

Попов М.О. (СПбГУ)

Поселения и жилища русских в южном Приладожье и в бассейне среднего течения р. Сясь

Поселения, обследованные в Южном Приладожье, имеют смешанный характер. Наряду с прибрежно-рядовым типом планировки (дома стоят вдоль берегов каналов друг за другом) в деревнях встречалась и двусторонняя уличная планировка. Примером такого типа застройки служат дд. Сумское и Дубно. Для поселений в бассейне среднего течения реки Сясь характерна уличная планировка (дд. Лъзи, Воскресенская, Бисково, Горка). В обоих случаях фасадная часть домов ориентирована либо на канал, либо на улицу.

В целом для обследованной территории наиболее характерен крытый одноярусный дом-двор на подклете с однорядной и двухрядной связью дома и двора. Дома встречаются в основном многокамерные — пятистенки с продольной или поперечной пятой стеной. Крыши двускатные стропильной конструкции, крыты современными материалами.

Интерьер и мебелировка домов однородны. Сложился городской тип мебелировки — кровати с белоснежными крахмальными простынями и горкой подушек, зеркала, шкафы с дорогой посудой. Обстановка кухни остается более традиционной и обусловлена внутренней планировкой.

Размер приусадебного участка зависит от уровня зажиточности в каждой семье. Хозяйственные постройки немногочисленны, располагаются в основном на территории приусадебного хозяйства. Вне усадьбы (обычно на берегу канала или реки) строятся бани. Особенностью жилого и хозяйственного комплекса Южного Приладожья является наличие в них помещений, специально построенных или отведенных для промышленных целей (ледники, сушилки для снастей).

Лебедева А.А. (СПбГУ)

Рыболовство в Южном Приладожье

На южном побережье Ладожского озера рыболовный промысел издревле имел первостепенное значение. В д. Дубно в 1930-е гг. возник рыбовецкий колхоз. До этого ловили в одиночку. С появлением колхоза рыболовство приобретает большие масштабы. В начале 1960-х гг. произошло объединение трех колхозов — в Новой Ладоге, в д. Лигово и в д. Дубно, а в середине 1960-х — в один колхоз были объединены все жители южного побережья. Протяженность угодий этого объединения составила около 450 км береговой полосы.

Местные жители, как правило, шли работать в колхоз сразу после окончания школы. Мальчики начинали участвовать в лове с десяти лет. В колхозе работали как мужчины, так и женщины, существовали женские бригады. Бригады делились на звенья по 3-5 человек, звенья в отдельных случаях могли быть смешанными. Каждое звено имело лодку; рыболовные места распределялись между звеньями по жребию с учетом того, что старшим разрешалось ловить ближе, младшим — дальше. Лодкой и ловом управлял звеньевой, остальные члены звена распределяли между собой рядовые обязанности. Улов и премиальные распределялись по паям, которые увеличивались в зависимости от опыта работы, возраста и стажа.

Рыболовством занимались в течение всего года. Весной ловили щуку, плотву, окуня, леща, судака. Летом — рипуса и сига. В октябре-ноябре, до морозов, особенно если осень затяжная, хорошо ловились язь, щука и сиг. Зимой шли в основном плотва, щука и лещ. Ловили сетями-сороковками и пятидесятками. На сига, рипуса и корюшку ставили большие мережи-курляндки, длиной около 12 м. Мережи поменьше в прошлом назывались лахтинками. Наличие рыбы определяли так: ставили несколько мереж — где рыба окажется, туда и переставляли снасти. Снасти не стояли в воде больше двух недель, их вытаскивали и коптили, чтобы они не гнили. Распространены были невода, в основном двух видов. Трестяной, которым ловили в тростниковых заводях, был относительно небольшим: разворот крыльев до 700 м. Голевой, которым ловили по чистой воде, — больше, его крылья могли достигать 800 м. При выборе невода из воды на каждом его крыле находился челн с человеком на случай зацепа.

Зимой ловили райгой — подводным неводом. Перед началом лова определяли наличие рыбы: в лунку бросали битую посуду (“бобки”) и смотрели вниз. Кто видит рыбу, поднимает ногу, затем — другой, третий, и только тогда запускали райгу. Крылья спускали в майну — большую прорубь, с помощью жердей растягивали невод по кругу. На райге рабо-

тало около сорока человек, в том числе и женщины. Тащили райгу 22 лошади.

Большинство снастей закупалось по заказу колхозного руководства, часть плели вручную из хлопчатобумажных ниток, хранили снасти в амбарах.

При завозе сетей и маленьких мереж использовали челны. Они могли быть как весельными, так и парусными и служили для прибрежного лова. Невода ставили более крупными лодками на шестах. Существовали большие парусные двухмачтовые лодки для завоза больших неводов и мереж-курляндок. На каждой мачте располагалось по одному четырехугольному рейковому парусу (реёк носил название “райна”). Доски обшивки скреплялись ивовой лозой, киль делали из цельного дерева, шпангоуты могли быть составными. Паруса шили брезентовые, из двух полотнищ. При усилении ветра убирали второй парус или снимали райну. Последнее называлось “идти на косынке”. Эти лодки просуществовали до середины 1940-х гг., когда их сменили деревянные мотоботы. Лодки закупались. Челны и рангоут (мачты и райны) делали сами. После окончания сезона лодки переворачивали и оставляли на берегу. Снаряжение хранили в амбарах.

Выходы в озеро обычно были однодневными. На несколько дней уходили крайне редко за определенной рыбой. В этом случае ночевали на островах в палатке. В лодке находился котел, в котором готовили.

Погоду определяли по общеметеорологическим признакам (чистый закат - к хорошей погоде, солнце садится в тучу — к плохой) и по местным: по закату шалоник (ветер, быстро меняющий направления) — к дождю.

При дальних выходах в озеро ориентировались с помощью компаса и по звездам. Для удачного и безопасного промысла перед выходом бросали в воду мелкие монеты и обращались к покровителю рыбаков — Николае Угоднику.

Улов сдавали на рыбоприемный пункт или на рыбоприемное судно. Зимой на приемном пункте заготавливали лед для ледника. Рыбу складывали в корзины, накрывали льдом и отправляли в Ленинград или в Новую Ладугу. Кроме зарплаты рыбакам за выполненный план полагалось 50 кг рыбы в месяц, а сверх плана — премия деньгами и рыбой.

Существование колхоза обеспечивало местное население постоянной работой и хорошим заработком. Колхоз помогал строить дома для рыбаков, рыбакам давали квартиры в Новой Ладоге. В связи с развалом

колхоза в середине 1990-х гг. рыболовство как промысел практически исчезло.

Чехонин А.О. (СПбГУ)

Жилищно-хозяйственный комплекс и его функционирование у населения Печорского района Псковской области

Жилищно-хозяйственный комплекс играет ведущую роль в повседневной жизни сельского населения. Цель доклада состоит в рассмотрении функционирования дома и хозяйственных построек как составных частей крестьянского хозяйства русского и сетуского населения Печорского р-на Псковской обл. Доклад построен на материалах, собранных экспедицией, проведенной на территории Печорского р-н летом 1998 г.

Весь комплекс делится на несколько частей. Самым крупным уровнем этой классификации является подразделение на жилые и хозяйственные постройки. Что касается жилых построек, то это собственно дом (сетус. “elumaja”). К хозяйственным постройкам относятся многочисленные строения: хлев (сетус. “laut”), амбар (сетус. “kylgus”), клеть (сетус. “ait”), рей (сетус. “reih”), гумно (сетус. “rehealune”), баня (сетус. “san”), расположенные, как правило, на территории усадьбы. Наконец, сами постройки, включая и дом, делятся на функционально значимые (т.е. специализированные) в хозяйственном отношении помещения. В связи с этим, говоря о функционировании жилищно-хозяйственного комплекса, необходимо прежде всего остановиться на его планировке и интерьере построек.

Хозяйственные постройки группируются вокруг дома. В зависимости от конкретного случая их количество, конструкция и характер расположения могут варьироваться, однако в целом можно выделить следующие два способа планировки усадьбы:

1. “Компактный” или “замкнутый” способ, при котором хозяйственные постройки расположены параллельно дому таким образом, что их стены вместе с торцами дома и каменная ограда, соединяющая их между собой, образуют в плане замкнутый со всех сторон прямоугольник, в середине которого расположен открытый двор. В этом случае, как правило, к деревянному дому с одного боку пристраивается каменный амбар или клеть на столбах, а с другой стороны — на некотором расстоянии от дома строится каменный хлев. По сторонам образовавшееся

пространство открытого двора замыкает каменная ограда с большими воротами, в которые может въехать телега;

2. “Круговой” способ застройки: он характеризуется тем, что дом и хозяйственные постройки располагаются по периметру открытого двора. Этот способ отличается от первого тем, что двор не замкнут, хотя пространство между хозяйственными постройками по его периметру ограничивается забором.

В Печорском р-не распространен восточнославянский тип срубного жилища – двухкамерное типа “изба-сени”; трехкамерное типа “изба-сени-изба”; пятистенок — дом на две избы, изба с прирубом и т.д. Изба обычно разгорожена деревянными перегородками на несколько помещений. В прошлом изба разгораживалась с помощью занавесок, шкафов. Образовавшиеся при этом помещения имели свои специализированные функции. Прежде всего выделялось пространство между печью и стеной, в которой был вход. Здесь готовили. За печью обычно хранили посуду или какие-либо другие вещи. Пространство между печью и противоположной входу стеной использовалось как спальня. Здесь спали хозяева, здесь же ставили люльку. Перед печью (чаще у сету) либо в большем углу стояли стол и скамейки. Вдоль стен располагались лавки, на которых спали младшие члены семьи. Сюда же на время работы приносили из сеней ткацкий стан, прялку и т.д. Важную роль в доме играли сени — здесь могли стоять шкафы для посуды, здесь хранили разнообразную утварь и инструменты, сюда на лето могли выносить кровати. Кроме того в доме был подвал, в котором хранились овощи, квашенная капуста, квас и т.д.

Из хозяйственных построек, видимо, самой важной был хлев: он строился первым из всех хозяйственных построек. Хлев делали обычно из плит (так долговечнее и меньше тратилось леса). Внутри хлев делился на несколько отделений, в которых держали разный скот (коров, овец, лошадей) и кур. Иногда для лошадей строилась отдельная конюшня. На чердаке хлева могли хранить часть заготовленного на зиму сена, которое не поместилось в амбар.

К хлеву могли также пристроить каменную клеть с отдельным входом. В клетке были устроены “засеки” (дощатые ящики, в которых хранили зерно разных видов).

После хлева обычно строили амбар. Здесь хранили сено. Амбар был второй по значимости хозяйственной постройкой после хлева.

Большую роль в хозяйстве играли также рей и гумно, расположенные под одной крышей. Их, также как и баню, размещали в стороне от остальных строений, опасаясь пожара. Рей служил для сушки снопов, ко-

торые затем обмолачивались на гумне. В рее стояла черная печь, под толком располагались колосники, на которые укладывали снопы. После просушки снопы обмолачивали в гумне, там же веяли зерно. Кроме того, в гумне обычно трепали лен, если не было сильных морозов, — тогда переходили в рей.

Еще одной пожароопасной постройкой была баня. Баня топилась “по черному”.

Таким образом, жилищно-хозяйственный комплекс состоит из ряда специализированных построек, не имеющих конструктивной связи ни с домом, ни между собой. Они возводятся на территории усадьбы в последовательности, отражающей их значимость в устоявшейся местной системе хозяйства.

Карякин А.Ю. (СПбГУ)

Строительная техника и планировка жилищных и хозяйственных построек у населения Островского района Псковской области

На территории района в основном представлены дома-пятистенки с двускатной крышей и низким подклетом. При их возведении: под углы ставятся камни, пространство между которыми засыпается землей (делается завалинка). Стены — бревенчатые, обычно рубленые с остатком “в угол”. Высота в среднем составляла 15 венцов. В качестве материала обычно выбирают ель и сосну, хотя встречаются и дома, построенные из березы и осины. Изнутри стены обычно обшиты ДВП и оклеены обоями.

Окна по размерам средние, как правило, шестизвенные. Обычно их прорезают по 5–6 штук, на фронтовой и боковых сторонах дома.

Пол везде одинарный, сосновый; половицы широкие, стеленные вдоль по отношению к входу.

Печь обычно клал печник, которого специально нанимали, но кирпичи делали сами из глины. Печь располагается слева от входа в теплую избу.

Потолок стелится и вдоль и поперек по отношению к входу, замазывается глиной и засыпается для утепления кострой.

Крыши делаются обычно двускатные, стропильные. Раньше крылись дранкой (щепой, лучицей) или соломой под лопатку комлем вниз, реже комлем вверх.

Как внешний декор встречаются наличники, резные фронтонные доски и полотенца. Иногда украшается крыльцо.

Планировка: раньше преобладали дома типа “изба-сени-изба”; после войны планировка меняется. Обычно встречаются “сени-изба-изба”: одна теплая, другая неотапливаемая. Напротив печи по диагонали располагается *передний угол* (*перезжий*, *киот*).

Зимой живут в теплой избе, летом — в холодной; кроме того, холодная изба используется для приема гостей.

Из хозяйственных построек могут быть отмечены: хлев, сарай-дровенник, сенохранилище и баня. Бани топятся как по-черному, так и по-белому. Эти постройки, как правило, деревянные, однако зафиксировано несколько саманных сараев с соломенной крышей комлем вниз.

Связь дома с постройками обычно однорядная или параллельная, реже встречается Т-образная связь. Кроме того, довольно часто встречаются крытые “круглые” дворы.

В настоящее время фиксируется тенденция к постепенному изменению как строительной техники, так и планировки жилищных и хозяйственных построек, все сильнее сказывается влияние городской индустриальной архитектуры.

Кочукова Н.М. (СПбГУ)

**Обработка льна и ткачество у населения
Южного Приладожья и среднего течения реки Сясь.
(по полевым материалам 1998 г.)**

Деревни Дубно и Сумское расположены на южном берегу Ладожского озера. В этой местности волокнистые культуры не выращивались, что связано с доминирующей ролью рыболовства как основного занятия населения деревень, а так же близостью городов Ленинграда (Санкт-Петербурга), Новой Ладogi, где покупалась ткань, нитки, шерсть и готовая одежда. Ткачество не было здесь распространено в конце XIX — первой трети XX вв. Им стали заниматься после окончания Великой Отечественной войны, когда в д. Сумское одним из жителей был привезен чертеж ткацкого стана.

С появлением стана получили распространение тканые полосатые дорожки из разноцветных нитей. В целом такие половики можно встретить и в других деревнях Ленинградской области. Основная цветовая гамма — сочетание красного, синего, зеленого и белого. Для окраски нитей использовались красители.

До появления ткацкого стана половики ткали из нарезанной ленточками ткани или одежды. Из этого же материала вязали крючком круглые коврики.

Кросна ткацкого стана изготавливались из березы, а берда — из бамбуковых палочек, которые делались из бамбуковых лыжных палок. Данное техническое решение зафиксировано только в д. Сумское.

Деревни в среднем течении р. Сясь: Теребуня, Хвалово, Хваловская горка, Воскресенское из волокнистых культур выращивали лен. В данном районе ткачество и прядение занимало заметное место в хозяйственной деятельности населения. До образования колхозов (примерно, середина 30-х годов) выращивание волокнистых культур не было ориентировано на продажу, но только на нужды отдельных семей.

Лен сеяли на Елену Посевницу (Посевальницу, Отсевальню) 29 мая. Побегги подвергали прополке. “Пололи, чтобы ни одной грязинки не было”. Созревший лен дергали, стлали на траве. “До сушки-то стлали на траву, три недели лежал, чтобы костина отстала”, т.е. чтобы отделилась волокнистая часть. Затем сушили в риге или в гумне, а в случае, если льна мало — в банях. Следующие этапы обработки: лен мяли (мялица состояла из двух бревен “одно с выемкой, другое с выступом”), трепали “лопатками”, чесали “ческами”.

Лен чесали несколько раз, каждый раз получая волокно определенного качества, используемое для изготовления различной по фактуре материи. Всего было три зачеса: “изгребья”, “точиво”, “холст”. Из первого ткали матрасы, портянки, половики; из второго делали ткань для одежды, рубашек, мужских кальсон; из третьего — ткань для полотенец, скатертей. Часто понятия “точиво” и “холст” объединяются.

Полученный материал пряли, мотали на мотовило, “золили золой”, развивали и сновали. Часть нитей окрашивалась.

Краски либо покупали, либо изготавливали сами из ольховой коры, почек. Кору окатывали горячей водой, краску готовили на печи или на плите. Этими же нитями и шили тканые изделия.

В деревнях, расположенных в среднем течении р. Сясь широко распространено прядение. Здесь использовались расписные прялки, именуемые “прялица” или “золоченка”. Они приобретались на ярмарке в

Колчаново, возможно, изготавливались на заказ. Использовались веретена с бородкой. Пряли не только лен, но и шерсть без пуха.

Вязание подзоров на постели и вышивка связаны с занятием ткачеством. В вышеупомянутых деревнях вышивали по канве и “по пальцам”. Основные приемы — вышивка крестом и гладью. Наиболее часто встречается цветочный орнамент на полотенцах, помещаемых под иконы. Он выполняется красными нитками. Иногда в городе покупали канву с заранее выполненным рисунком, наиболее распространенными рисунками были цветы, как правило розы. Вязание кружев было принесено из Ленинграда.

По теме “Обработка льна и ткачество” был опрошен ряд информантов, чьи рассказы охватывают период конца XIX–XX вв. Во многих домах сохранились прялки, веретена; прядение шерсти и вязание остаются частью быта. Ткацкие станы, если сохранились, то не полностью. В деревнях в бассейне реки Сясь, выращивание льна было одной из составляющих хозяйства. Тканые изделия разнообразны (от половиков до полотенец). Для XX в. характерно сильное влияние г. Ленинграда, где многие местные жительницы либо учились, либо работали. Оттуда они привозили новые узоры для вышивки. Общим для исследованных районов можно назвать тканье дорожек, способы окрашивания нитей и основные цвета.

Серченя М.В. (СПбГУ)

Повседневная пища русского населения Печорского района Псковской области

Данная работа написана на основании экспедиционных исследований, которые проводились в деревнях, находящихся около г. Старого Изборска. Сложившиеся у русского населения Печорского р-на Псковской обл. традиции питания также, как типы жилища и одежды, тесно связаны с основными видами хозяйственной деятельности: выращиванием зерновых культур и подсобным животноводством.

До коллективизации, проходившей в 1948–1950-х гг., здесь основную часть посевов зерновых составляли рожь, пшеница, ячмень, горох. Гречу, по свидетельству информантов, сеяли в небольшом количестве, т.к. практически не было урожая. После обмолота зерно возили на мельницу вальцевать, т.е. изготавливать крупу и муку различных сортов.

Хлеб в семье выпекала мать, хозяйка дома, примерно раз в неделю. Семье из восьми человек требовалось около 7–8 караваев по 5 кг каждая. “Творили” хлеб в квашне. Для этого использовали муку, воду и на квасу (кусочек старого теста). Сутки тесто “вздымалось”, затем его вымешивали и выпекали на чисто выметенном поде печи в течение двух часов. После этого верх хлебов мыли водой, чтобы смягчить корку, накрывали их льняной домотканиной и хранили в прохладной кладовке — шафрейке. Пекли в основном из ржаной муки, и — лишь по праздникам — из пшеничной. Был известен также житный (ячменный) хлеб, имевший горьковатый привкус. Кроме того, пекли ржаные лепешки (*каруши*), а также пироги с разнообразными начинками (капустой, морковью, картошкой, ягодами, грибами и т.д.)

После образования колхозов хлеб, по преимуществу, стали покупать в магазинах, дома пекли только пироги. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, женщина стала целый день работать в колхозе и время на занятие личным хозяйством значительно сократилось. Во-вторых, большой редкостью стали многочисленные семьи. Третья причина — сократились посевы зерновых в личных хозяйствах. В частной собственности осталось всего 36 соток земли, на которых в основном высаживали картошку.

Почти в каждом частном дворе была корова, а в доколхозное время — и несколько коров, лошадь, овцы, поросята, домашняя птица. Коз, как правило, не держали. В пищевом рационе всегда присутствовали молоко и молочные продукты. Для первичной обработки использовался ручной (в последнее время электрический) сепаратор, который разделял молоко на две составляющие: сливки и бретуху (обезжиренное молоко). Последняя шла на изготовление творога, а сливки — на изготовление масла. Творог и масло солили для того, чтобы продлить срок хранения.

Кроме молочных продуктов, домашний скот был источником поступления в рацион семьи мяса. Осенью, ближе к зиме, как правило, забивали свинью. Свежую кровь либо жарили, либо добавляли в тесто и пекли блины. Кроме того, существовала традиция подсаливать кровь, замствованная, по-видимому, от сетуских семей, проживающих по соседству. Из сердца, селезенки, почек готовили паштет. Основную часть мяса заготавливали для длительного хранения. Зимой мясо солили, а весной — коптили. Солили в бочках на 5–10 ведер. Соль покупали мешками в Изборске или в Сигове (сетуская деревня). Коптили мясо в бане, топившейся “по-черному”. Для этого под потолком устанавливали колосники (жерди), к которым подвешивали мясо. Топили вересьем, ольхой, ветка-

ми яблони; это давало хороший привкус. Пламя должно быть маленьким, а дрова сырыми, чтобы было больше дыма и меньше огня, и сок не вытек из мяса. Копченое мясо обвязывали марлей и вешали в кладовую.

В “крепких” домохозяйствах мясо было на столе не редкостью, в более бедных семьях его готовили лишь по праздникам.

В любое время года на столе были овощи. В доколхозное время огород занимал 5–10 соток земли. После установления колхозной системы его площадь значительно сократилась. Выращивали свеклу, репу, огурцы, капусту и т.д. Интересен способ засолки огурцов. Количество необходимой соли определялось методом “на яйцо”, т.е. воду солили до тех пор, пока опущенное в нее яйцо не поднималось на поверхность.

Существенным источником витаминов были дары леса. Сбором ягод и грибов занимались все: взрослые и дети. В июне поспевала земляника, в июле — черника и лесная малина, в августе — брусника, в сентябре — клюква. Из ягод варили варенье. Сахар не использовали только когда варили черничное варенье, т.к. оно может храниться без сахара. Грибы варили, засаливали в бочках “под гнетом” (т.е. плотно сверху прижимали камнем).

Традиционными напитками были травяной чай, молоко, квас. Кофе, какао покупали в магазине.

В целом, можно сделать следующий вывод: пищевой рацион русского населения изученного региона состоял из продуктов хозяйственной деятельности. Все изменения были связаны с установлением системы колхозов и появлением возможности покупать основную часть продовольственных товаров в магазинах. Однако стоит отметить, что в последнее десятилетие, в связи с ухудшением экономической ситуации наметилась тенденция возвращения к натуральному производству основных продуктов питания.

III. Традиционная обрядовая культура

Старовойтова М.В. (СПбГУ)

Опыт сравнения некоторых элементов северно- и южновеликорусского свадебного обряда (по полевым материалам 1997 г.)

Свадебная обрядность — это сложный фольклорно-поэтический, философско-психологический и этнолингвистический комплекс, дающий представление об основных направлениях развития и этапах становления народной культуры. Русский свадебный обряд отличается особой сложностью и многообразием.

Предметом настоящего исследования является современная свадебная обрядность двух регионов России: на основании личных наблюдений автора сопоставляются некоторые свадебные обычаи сел и деревень Ломоносовского района Ленинградской обл. (Аннино, Иннолово, Рюмки, Новоселье, Разбегаево) и Новохоперского р-на Воронежской обл. (Колено, Ивановка, Некрылово, Елка, Бороздиновка).

Одной из особенностей свадебного обряда Ломоносовского р-на является смешение терминов родства — названий родственников, участвующих в церемонии. Это же явление можно наблюдать и в дальнейшей семейной жизни, что, возможно, объясняется преобладанием семей малого типа. Так, например, практически не дифференцируются такие термины свойственного родства, как “сноха” и “невестка”: так называют как жену сына (внука), так и жену брата, причем название “сноха” употребляется гораздо реже. В Новохоперском р-не Воронежской обл. такого явления почти не наблюдается: здесь “сноха” — это жена сына, а “невестка” — жена брата.

Смешиваются также и названия “своjak” — “зять”, причем название “своjak” употребляется в своем основном значении редко. Значительно чаще оно обозначает любого “свойственника”. “Зятем” же называют как мужа дочери (внучки), так и мужа сестры. Подобного явления не наблюдается в Новохоперском р-не, где “зять” — это муж дочери, а “своjak” — муж сестры.

Другая особенность свадьбы в Ломоносовском р-не заключается в составе свадебной процессии и манере ее передвижения. Обычно в первую нарядно убранную легковую машину, возглавляющую кортеж, садятся молодожены и свидетели, во вторую — их родители, а остальные гости размещаются в специально заказанном для этой цели большом автобусе (или двух автобусах). После торжественной регистрации брака машина с молодоженами уезжает в город, чтобы посетить исторические места Санкт-Петербурга, остальные же едут к месту организации свадебного застолья. Несколько иначе выглядит свадебный кортеж в Новохоперском р-не: это несколько (обычно 7–10) нарядно убранных цветами, шарами и лентами легковых машин, в первой из которых сидят молодые и свидетели, во второй — их родители, а в остальных — приглашенные гости. Здесь после торжественной регистрации брака весь кортеж направляется по центральным улицам села, объезжая их по нескольку раз. Особо следует отметить, что во время движения водители давят на клаксоны, и все машины кортежа сигналият, создавая шум, слышимый иногда за несколько километров. В этом явлении возможно отразились отголоски апотропеической магии (отвращение злых духов).

Следующая особенность свадебной церемонии в Ломоносовском р-не, которую нам хотелось бы отметить, — это место проведения торжественной регистрации брака. Брак торжественно регистрируется в местном сельском совете (аналог городского ЗАГСа) в присутствии друзей и родственников. В Новохоперском р-не регистрация брака проходит в ме-

стном Доме (Дворце) культуры, где, кроме приглашенных друзей и родственников, присутствует много односельчан. Таким образом, свадьба здесь носит более коллективный характер.

Указанные различия в свадебных обрядах помимо всех прочих причин, объясняются еще и тем, что первый из них отражает народную культуру северной, а второй — южной полосы России.

Позднякова А.С. (СПбГУ)

**Свадебная обрядность русских Псковского края
(по итогам этнографической экспедиции 1998 г.
в Островский район Псковской области)**

Этнографическое исследование показало, что в первой половине XX в. в Островском р-не Псковской обл. традиционный, зафиксированный исследователями XIX в., свадебный обряд постепенно изменялся, и могут быть отмечены четыре стадии его изменения.

I. В доколхозный период свадебная обрядность существовала в своей традиционной форме.

II. В колхозный довоенный период произошла перестройка всех основ деревенского быта, нарушились традиционные устои семьи, произошла коллективизация семейной собственности, деревня подверглась мощной идеологической обработке (было запрещено венчание, закрыты церкви и т.д.). Все эти факторы привели к полной редукции свадебного обряда. Свое функциональное значение в этот период сохраняет лишь сватовство как знак того, что девушка с позволения родителей оставляет свой дом, но стал нередко практиковаться также уход девушки к избраннику без согласия родителей. Молодые, как правило, жили без росписи достаточно долгое время. Традиционный свадебный ритуал заменялся формальной регистрацией в сельсовете.

III. В военный период наметилось возвращение к традиции. Некоторым семьям удалось вернуть землю и скот в свои хозяйства. Возвращались и старые устои быта. В этот период свадебный обряд снова приобретает свою значимость.

IV. В послевоенный период на фоне сожженных деревень и всеобщей разрухи отношение к свадебной обрядности вновь изменяется. Происходит возвращение к бытовым нормам периода коллективизации.

Традиционная модель свадебного обряда, бытовавшая на территории Островского р-на в XIX в., выглядела следующим образом.

Первое знакомство парней с девушками происходило на *ярманках*. Так назывались молодежные деревенские гуляния под гармонь. Молодой человек приходил сватать девушку, заручившись прежде ее согласием, вместе с отцом и братом. Войдя в дом, сваты брали стоявшие возле печи предметы и начинали стучать ими. Это делалось для того, чтобы сватовство было удачным. Затем гости говорили о цели своего прибытия. Если родители девушки принимали предложение, то сразу накрывали стол. Если нет, то сваты уходили ни с чем. В случае удачного исхода дела родители жениха и невесты договаривались о приданом для девушки, о предстоящих расходах и о времени свадьбы. Не разрешалось проводить свадьбу во время постов.

Перед свадьбой невеста приглашала к себе подруг на девичник. Девушка обязательно должна была плакать, “потому что в ад идет, с девичьей жизнью расстается”. Жених так же собирал у себя своих друзей, но, по воспоминаниям информаторов, “там только смех”.

В день свадьбы невесту готовили к приезду жениха. Подруги чесали ей волосы. Все родственники ее одаривали. Войдя в дом, жених первым делом должен был выкупить место возле невесты, которая сидела под образами на подушке. Затем жениху надлежало выкупить косу своей избранницы, которую грозился отрезать кто-либо из родственников невесты. После угощения свадебный поезд отправлялся в церковь, все приглашенные гости от двух партий назывались *свадебниками*. Руководителями свадебной церемонии являлись *батька* и *матка* — крестные родители жениха и невесты. Не забывали пригласить на свадьбу и колдуна. Этот человек противостоял другому колдуну, который мог, как полагали, “испортить” свадьбу, обернув весь свадебный поезд в волков или наслать порчу на молодых.

От церкви к дому жениха, где должно было состояться свадебное застолье, свадебный поезд следует другой дорогой. По окончании свадебного пира молодых ведут спать в амбар на жернова. Утром свекровь осматривает постель новобрачных и, если она на ней находит следы крови, разбивает при этом горшок в знак того, что невеста была честной девушкой. Первый раз придя на колодец, молодая оставляет там пояс. Для всех родственников она должна приготовить подарки. Для мужчин она шьет *шлугу* – тряпичный шар. По нему мужчины бьют ногами пока не разобьют. Если это произойдет достаточно быстро, значит жена будет изменять своему мужу.

На Масленицу молодые приезжали к теще на блины.

В настоящее время отмечаются попытки возвращения некоторых элементов утраченного свадебного ритуала, что, конечно, происходит с большим трудом, так как многое оказалось забыто и потеряло свою функциональную значимость.

Красовская Ю.С. (СПбГУ)

**Традиционная свадебная обрядность населения Волосовского
и Гатчинского районов Ленинградской области
в первой половине XX в. (русские и ингерманландские финны)**

В свадебном обряде как русских, так и ингерманландских финнов выделяется три последовательных этапа: довенчальный (включал в себя сватовство, сговор, различные обрядовые действия на территории невесты), собственно свадьба (состояла из венчания, свадебного пира и брачной ночи жениха и невесты) и послесвадебный (охватывал второй день свадебного пира и обряды, направленные на приобщение молодой к семье и дому мужа).

В случае согласия на брак у русских дарили платок или вышитое полотенце, у финнов — невеста принимала деньги, которые ей привозил жених.

Обычной практикой было смотрение дома и хозяйства жениха и невесты. Кроме того, состоятельность жениха финны проверяли следующим образом: в назначенный день вся деревня собиралась в доме невесты, чтобы курить папиросы, купленные женихом, если папирос не хватало, то жених считался несостоятельным.

Во время сговора, ”запивок” (у финнов) договаривались о дне свадьбы. У русских в 1930-е гг. сговор проходил в один день со сватовством. Отказ от брака был невозможен, он считался большим позором.

У русских (д. Малое Заречье) не только невеста, но и жених со своими друзьями ходили за несколько дней до венчания в баню.

Выкуп за невесту требовали у жениха и в 1930-е гг. (д. Малое Заречье).

На этапе оформления брака у финнов и русских наблюдается ряд различий: во-первых, у финнов в церкви три раза объявляли о венчании; во-вторых, жених-финн со своей родней ехал к невесте, пообедав, в то время как русские жених и невеста до венчания не ели.

На свадьбе девушки у русских (д. Малое Заречье) пели величальные песни. Иногда у русских (д. Черное) пожилые женщины исполняли на свадебном пиру старинные свадебные песни. У финнов (д. Вопша) жениха и невесту “хаяли”, а не величали, как это делали русские, и пели свадебные частушки.

Финны (д. Пулково) праздновали свадьбы в национальной одежде.

И русские и финны на второй день свадьбы смотрели характер невесты, испытывали ее.

На этом этапе свадьбы молодая начинала приобщаться к семье мужа: у финнов (д. Пулково) невеста одаривала свекра и свекровь; у русских (д. Холоповицы) невеста после свадьбы дарила подарки свекрови, свекру, золовке, деверям.

После свадьбы на голову невесте русские надевали повойник, который с того дня ей надо было носить до самой смерти. У финнов (д. Пулково) подружки невесты (“шаферицы”) на второй день свадьбы плели молодой “чуб”: косу заворачивали вокруг головы и надевали на нее чепец.

Свадебная обрядность финнов сложнее свадебной обрядности русских, особенно это прослеживается в довенчальном этапе (о венчании объявлялось три раза, проверка состоятельности жениха с помощью курения папирос и др.), который длился несколько недель. Кроме того, для свадебной обрядности населения Волосовского и Гатчинского р-нов характерно наличие архаических элементов (сватовство, хождение невесты в баню, проверка “честности” невесты и др.), которые в советское время постепенно исчезают.

Оселедько Ю. В. (СПбГУ)

**Свадебная обрядность русских Волховского района и
г. Новая Ладога Ленинградской области**

Информацию по свадебной обрядности района удалось получить от 13 информантов. Четверо из опрашиваемых имели возраст около 90 лет, остальные — 60–70. Значительная часть информации относится к временам родителей опрошенных, т.е. к концу XIX — началу XX вв.

По досвадебной обрядности были получены сведения о месте знакомства будущих жениха и невесты и о гаданиях на суженого-ряженого. Были записаны рассказы о святочных гаданиях по частоколу, на перекрестке, в бане, на гумне, истории о привораживании. В д. Хвалово была услышана история о попытке колдуна расстроить свадьбу.

Относительно возраста вступления в брак были получены различные сведения. Например, в приладожской д. Дубно девушки выходили замуж в 25 лет, парни женились в 30; в д. Хваловская Горка в Посясье девушки выходили замуж в 16–17 лет, а парни женились чуть позднее.

По одним сведениям, сватать невесту приходили жених, его родня, друзья; по другим — в роли сватов выступали сватья и мать жениха. Согласия родителей было недостаточно, учитывалось желание самой девушки. Если она не хотела выходить замуж, то могла положить на телегу сватов пирог. Про жениха, получившего отказ, говорили: “Калитку съел.”

Приготовления к свадьбе длились около недели, за это время подготавливалось приданое. За день до свадьбы жениху топили баню его друзья, невесте — ее подруги (так было в д. Дубно). По словам информантов из других деревень, баню топили только невесте. Дорогу в баню подружки опахивали вениками, украшенными красными лоскутками. В бане пели песни, в которых невесте желали здорового потомства и счастливой семейной жизни.

За день до свадьбы, начиная с обеда, невеста “выплакивала”: причитала, прощаясь с девичеством.

В день свадьбы за невестой на празднично украшенных лошадях приезжали дружки жениха и свадебный поезд ехал к церкви, где происходило венчание. Многие из информантов сами не участвовали в этом обряде, рассказывали со слов других, так как в 1920–30 гг. обряд венчания не совершался из-за закрытия церквей. Во время венчания невеста должна была осуществить несколько обрядовых действий, которые обеспечили бы ей главенствующее положение в семье. Например, держать свою свечку выше, чем свечку жениха, или первой вступить на коврик для венчающихся. После венчания молодые ехали в дом жениха. Чтобы предупредить о подъезде свадебного поезда, стреляли из ружей. Свадебники (так их звали в д. Дубно) городили молодым дорогу и требовали

выкупа. На пороге молодых встречали родители жениха с хлебом и солью. Затем начиналась собственно свадьба.

Празднование длилось от одного до трех дней, в зависимости от достатка семьи. Первый день отмечался в доме родителей жениха, второй — “хлебино” — у родителей невесты. В день свадьбы привозили на телеге приданое невесты. В случае развода (что случалось редко) приданое считалось имуществом невесты. Во время свадьбы невесту могли украсть гости, которых, по словам одного информанта, обычно было не более сорока.

Своеобразием свадебного стола в приладожской д. Дубно являлось обязательное наличие пирога-рыбника. В остальных случаях информанты не выделяли каких-либо специфически свадебных блюд. Свадебная одежда невесты — белое кружевное платье, фата, венок с восковыми цветами, обычно передавался по наследству. Во второй день свадьбы невеста надевала шелковое или шерстяное платье. Жених все три дня оставался в черном костюме.

В первую брачную ночь молодым под постель подкладывали полено. В д. Белая первую ночь после свадьбы все спали “вповалок”. На следующее утро молодых будили тем, что разбивали около их постели глиняный горшок. После свадьбы невесте расплетали косу и она убирала волосы под повойник (д. Сырецкое). В д. Дубно если замужняя женщина ехала в город, то она повязывала на голову шерстяной платок.

В исследованных районах свадебный обряд не сохранился полностью, но отдельные его части, такие как встреча молодых хлебом и солью, перегораживание дороги, еще можно наблюдать на современных свадьбах.

Кульматова Т.В. (СПб, БАН)

Дети в свадебном обряде (на новгородском материале)

Присутствие на свадьбе детей всех возрастов всегда было естественно и обычно. Именно через их непосредственное участие осуществлялась передача обрядового знания и, в конечном счете, фиксация, преемственность и развитие традиции. На печи или на полатах дома, в котором происходила свадьба, собирались ребятишки со всей деревни, так что многие ключевые моменты обряда разворачивались у них на глазах. При

этом свадьба о них не забывала: им постоянно подавали какое-нибудь угощение, как правило, выпечку; могли спеть величание.

Во многих моментах своего действия обряд не только допускал, но и предполагал участие детей, предназначал им определенную роль и отводил особое место. Так, например, в обряде прощания с красотой невеста передавала младшей сестре или девочке символы девичества и вольной, беззаботной жизни (девичью повязку или елочку), а ленточки из кос невесты разрезались и раздавались девочкам. По приезде жениха начинался выкуп невесты. “За спину невесты становятся девочку с ножом. Она держит невесту за косу. Дружка начинает торговаться с подружками за место около невесты. Дружка платит выкуп за косу и за место. Девочка уходит из-за спины” (д. Перелучи, Боровичский р-н, д. Лаврово, Маревский р-н). В выкупе косы мог участвовать и мальчик, как правило, младший брат невесты. Он продавал косу, называя дружкам определенную цену. При этом в руках его был поднос, предназначенный для денег и гостинцев. Первую копейку он бросал на пол со словами: “Это Богу на свечку!”, вторую: “Это коту на печку!”. Затем ему давали много денег, и коса наконец продавалась (д. Чуриково, Новгородский р-н).

Везде, где дети, — там шум и баловство, везде, где шум и баловство, — там оказываются дети. Поэтому во многих эпизодах типа “жених и невеста в толпе” детвора всегда принимала активное участие: можно было от души пошалить, покричать да еще и получить за это выкуп или просто гостинцы. Именно дети оповещали всю деревню о прибытии свадебников: “Ожидают свадьбу. Вдруг по деревне ребятишки кричат: “Свадьба едет, свадьба!” Все бегут” (г. Боровичи). Детвора участвовала в устраивании заломов на пути свадебного поезда: “Когда едут с церкви, в каждой деревне устраивают заломы. Мужикам (чтобы откупиться) дают на водку, ребятишкам — гостинцы” (д. Шинково, Маревский р-н). Встреча молодых от венца — с шумом, криками, запускаянием в воздух различных предметов — также не обходилась без детей. А на третий день после свадьбы, когда молодая носила воду, жених шел с ней и нес кулек с конфетами, которые раздавал ребятишкам как выкуп, чтобы те не разливали воду (д. Мшага, Новгородский р-н). Подобные шалости помогали детям включиться в общее действо и, как можно полнее, пережить его.

При этом обрядовый статус детей практически приравнивался к статусу взрослых: обряд уравнивал всех. Поэтому перед отъездом к венцу дружка обращался к детям, испрашивая у них разрешения: “Маленькие ребятишки, косые заплатки, разрешите нам во путь, во дороженьку с князем молодыми княгинею молодой” (д. Осиново).

Среди свадебных чинов были и такие, которые исполняли только дети, как, например, “богоноша” — мальчик, едущий с благословенною иконой в церковь наперед молодых, “блюдник” — мальчик, едущий в поезде кучером со свахой.

В силу бытовавшего представления об особой витальной силе и чистоте ребенка дети, особенно мальчики, были задействованы в магических продуцирующих обрядах. Так, перед первой брачной ночью невесте сажали на колени мальчика, чтобы она была плодovита. На следующий день двое из свадебников рядились конем и катали на себе мальчика, чтобы конь молодых был плодovит.

Радецкая К. В. (СПбГУ)

Традиционное воспитание детей и подростков сельского населения Печорского района Псковской области

Период детства — важный этап в жизни каждого человека, а соответственно, и общества. В течение этого времени в процессе воспитания происходит формирование не только отдельной личности, но и представителя определенного коллектива, способного выжить в конкретных условиях, и здесь очень важным является вопрос об отношении ребенка к трудовой деятельности. Поэтому во время экспедиции была поставлена задача и сделана попытка выявить цели и механизмы воспитания детей в исследуемом регионе, причем, основное внимание уделялось трудовому воспитанию. Во время работы было опрошено 27 человек. Полученная информация относится к 1920–1940 гг.

Детей рождалось много, нередко по семь-девять в каждой семье. В то же время достаточно высокой была и детская смертность. В первые годы жизни (до двух, иногда до четырех лет) ребенок “жил” в колыбели (“корзина из лучин” или деревянная “кровать без ног”), подвешенной на оцепе или веревке на кольцо в слеге. Летом многие брали детей в поле, где на время работы клали под сноп («от мух»). В этот период жизни и мальчикам и девочкам одеждой служили длинные рубахи.

Возраст 4–5 лет во многих отношениях являлся переломным: теперь детям шили холщовую одежду (платье-рубаху девочкам, штаны и рубашку мальчикам); пищу не готовили отдельно, а кормили наравне со взрослыми, тем более, что многие уже начинали “признавать посты”. Обувь для ребят (кожаные или резиновые поршни, льняные лапти, валенки)

могла себе позволить не каждая семья, поэтому часто дети ходили босиком, а обувались только для того, чтобы идти в школу. Многим девочкам школьного возраста уже шили юбки из покупного ситца; мальчикам покупали шапки, которые нередко передавались “по наследству” от брата к брату; девочки носили платки.

Приобщение к трудовой деятельности начиналось достаточно рано с небольшой помощи по дому или во дворе. У шести-семилетнего ребенка уже был более-менее определенный круг обязанностей: пасти скот, готовить для него корм (нарубить траву и свекольный лист), разбивать глину, чистить картошку, полоть в огороде, присматривать за младшими братьями и сестрами и др. Иногда детей “продавали” в бездетные хозяйства — отдавали на летний период работать, чаще всего — пасти скот. Платили обычно уже родителям — деньгами или хлебом. С 10–12 лет многие начинали работать в поле. Если для мальчиков научиться пахать, молотить, трепать лен было необходимым, то для девочек — лишь в том случае, если в семье не было мужчин. Более важным для них было научиться “обряжать” скотину, готовить пищу, прясть, вязать, ткать “просто”. Обучение происходило при непосредственном участии или наблюдении за деятельностью взрослых. При желании или при необходимости учились (от родителей или знакомых) профессионально ткать, шить, строить, класть печи и т. п.

В школе обычно учились с 6–7 и до 12–14 лет, хотя многие бросали учебу после первых же классов, т. к. в хозяйстве были необходимы рабочие руки; кроме того, (самое раннее с 10 лет) некоторые подростки начинали работать в колхозе (трудодни при этом чаще всего записывали на родителей), и здесь уже не было четкой грани между мужскими и женскими работами; так, например, пахота не считалась чисто мужским делом.

В целом процесс воспитания был направлен на то, чтобы к 15–16 годам, т. е. к моменту перехода в категорию молодежи, подростки уже овладевали всеми необходимыми навыками и могли стать самостоятельными членами общества.

Холодная В.Г. (РЭМ)

**Драки во время праздничных весенне-летних гуляний
как элемент молодежной культуры (по материалам
экспедиции РЭМ в Пестовский район Новгородской области)**

Материал собран в ходе экспедиции РЭМ в Устюцком с/с Пестовского р-на Новгородской обл. в июле 1998 г. Основной массив информации был получен в ответ на вопросы анкеты "Календарные праздники", а также по анкете, составленной Т.Б. Щепанской.

В довоенный период драки были одним из неизменных атрибутов молодежных уличных гуляний в престольные и заветные весенне-летние праздники (в Устюцком приходе: Никола Вешний, Иванов, Петров и Ильин дни). Традиционными соперниками являлись парни из соседних деревень, относившихся к разным сельсоветам, границы которых в большинстве случаев совпадали с границами церковных приходов: для обследованной территории это — д. Устье (Устюцкого с/с, Пестовского р-на) с д. Погорелово (Погореловский с/с Мошанского р-на); д. Улома (ныне Устютский, ранее Уломский с/с) с деревнями Михайловского с/с Калининской обл., иногда д. Устье и Устюцкое с д. Уломой). Наибольшей активностью в драках отличались парни пограничных деревень. Группу парней, приходивших в дальнюю деревню подраться, называли часто по имени пограничной деревни их сельсовета. Хотя центром сельсовета и прихода являлась д. Устюцкое, парней из куста деревень Устье, Иваньково, Щукина гора, Щетино, Лаврово и т.д. в Погорелово в случае драки называли "устьяне" (от д. Устье, расположенной в 7 км от Погорелово), а в д. Улома — "устюцкие" (10 км от Устюцкого). Противники встречались в драке только на праздники, в будние дни за поражение не мстили, парни из враждующих деревень могли свободно бывать друг у друга.

Орудия для драк парни изготавливали заблаговременно: делали резиновые плетки, наполненные песком, выковывали большие ножи и трости с загнутыми ручками из железных прутьев. Последними предметами не дрались, они служили для устрашения противника. Кованые блестящие ножи длиной с руку были очень тяжелыми, носить их при себе было неудобно, поэтому на входе в деревню парни прятали их на обочине дороги в плетеной изгороди, если в ходе драки противник вынуждал их отступить, они бежали за деревню, хватали ножи и разворачивались лицом к преследователям, те, испугавшись оружия, отступали. Трости прятали по другой причине. Если парни входили в деревню с тростями, все видели, что они пришли подраться, а для поддержания порядка во время праздника в деревню приходил милиционер, обычно он стоял на краю деревни и отбирал у парней оружие, поэтому драчуны заблаговременно избавлялись от тростей, а когда назревала драка доставали их. При ходьбе на них или опирались, или укрепляли на поясе, при этом конец трости

волочился по земле, издавая скрежет и подымая пыль, что служило демонстрацией удали.

Парни сходились в празднующую деревню группами, каждая со своим гармонистом. Во время молодежного гуляния они шли по улице в одну линию, центром которой был гармонист, и пели задиристые частушки "под драку". Поводом для драки служило словесное или физическое оскорбление, нанесенное одному из группы. Иногда, чтобы завязать драку, парни посылали к противникам "заводилу". Свои вступались за обиженного. Парни начинали драться кулаками, затем вытаскивали колья, трости, плетки и т.п. Во главе каждой группы дерущихся стоял предводитель, который обычно и посылал "заводилу" или вступался за обиженного. Некоторые из деревенских парней не участвовали в общей драке, но их товарищи оценивали такое поведение как трусость и мстили бросившему своих. В молодежной группе таких парней не уважали, иногда такое поведение было предлогом, по которому девушка отказывалась гулять с парнем. Драка оканчивалась, если парни одной из деревень, признав себя побежденными, убегали с гуляния. Информантам известны случаи убийства во время драки, но убивали редко, чаще по случайности, виновных находили и осуждали. Предотвратить убийство могли девушки, если им удавалось до начала драки вывести из нее своего парня (родственника или кавалера) или закрыть его своим телом, если его опрокинули на землю, т.к. девушек парни не били. Начало драки не обязательно приводило к окончанию праздничного гуляния. В одно и тоже время в одном конце деревни могли драться парни, а в другом, молодежь из других деревень пела и плясала.

Наибольшее число драк и наибольший их размах приходился на конец 30-х гг. В начале войны парней из этого района прямо отправляли на передовую, большинство из них назад не вернулось. После войны подросшее поколение продолжало в праздники гулять по деревне с пением тех же частушек, демонстрировать свою удаль, но они уже серьезно не дрались. По словам одного информанта: "Дрались, когда народу в деревнях, молодежи, было много, а что делить после войны, когда братья убиты". В 70-х гг. парни также дрались стенка на стенку, но былого размаха, колорита, правил и структуры драки уже не имели.

В русской деревне участие в драках было для парня одним из способов продемонстрировать свою силу, удаль, молодцеватость, оно знаменовало его возрастную состоятельность. В драке парень отстаивал свою честь и достоинство, вступался за обиженного, проявлял взаимовыручку, следуя своеобразному кодексу чести. До недавнего времени вопрос этот

был описан и изучен очень мало, в дореволюционной этнографии данная тема часто подвергалась цензуре. В последние годы в различных областях Северо-Запада России разными исследователями собран материал, помогающий восстановить эту сторону жизни мужской молодежи русской деревни. Уже накопленный материал и тот, который еще будет собран, должен помочь лучше понять статус парня в деревенском обществе и суть молодежной субкультуры.

IV. Народные верования и представления

Мельникова Е.А. (СПбГУ)

Почитаемые персонажи Печорского района Псковской области (Изборск и его окрестности)

Исследования культов местночтимых святых показали, что последние могут служить одной из возможных характеристик локальных групп населения. Другим выводом стало заключение, что при изучении подобного рода явлений не следует ограничиваться кругом собственно святых, т. е. людей, именуемых так в культуре, но также необходимо учитывать и ряд персонажей, упоминания о которых устойчиво фиксируются в регионе. Такими персонажами оказываются люди с высоким социально-культурным статусом среди населения, обусловленным различными причинами, такими как особенности поведения, внешнего вида, речи. Исходя из этих наработок в июле 1998 г. в рамках экспедиции кафедры этнографии и антропологии в Печорском р-не Псковской обл. были проведены обследования среди русского населения Изборского с/с на территории Никольского Изборского, Богородицкого Изборского и Мальского приходов. Работы проводились в дд. Лебеж, Дубник, Тишевицы, Кряково, Забродье, Старый Изборск, Турок, Костино, Новая, Куланово, Вязьмово, Третьяково, Васцы, Копоницы, Малы.

Среди населения этого региона широко распространены культы местночтимого Никандра и Онуфрия Мальского, реже упоминается Корнилий Крыпецкий, встречены единичные упоминания отца Симеона Печорского, Фросиньи Псковской. Из числа местночтимых персонажей можно отметить Анастасию Костинскую.

Никандру (местн. — Лекандр) посвящена часовня около д. Замогилье. В ней и в д. Речки день памяти Никандра (7.X) отмечается как престольный праздник. С его именем также связано место, называемое “Ле-

кандровы горки”, находящееся в лесу вдоль Рижского шоссе в районе д. Дубровка. По преданию, там долгое время жил Лекандр Пустынный, из камней сложив себе “печечку-лежаночку”, построив шалаш. Еще в недавнее время там находился камень с отпечатками руки и ноги, рядом с которым была ямочка с ключом. После того как Лекандр ушел из Лекандровых горок, он долго скитался и поселился в д. Кряково. Однажды Никандр пришел в д. Замогилье и сел на камушек, но пастухи прогнали его, в ответ на что старец предсказал жителям деревни беды и неудачи. Поэтому в его честь была поставлена часовня. По сведениям различных информантов в часовне был камень со следом, источник с целебной водой. Упоминаний того, чтобы в часовню Никандра или в Лекандровы горки ходили по завету встречено не было.

Почитание Онуфрия Мальского связано прежде всего с д. Малы, отмечающей среди других престольных праздников Мальское воскресенье (1-е воскресенье после Петрова дня) и день памяти Онуфрия Мальского (25.VI). Оба праздника очень популярны среди населения всего района, особенно широко справляется Мальское воскресенье. Это заветный праздник, установленный в честь того случая, когда св. Онуфрий отмолил град. Один из приделов Мальской церкви посвящен св. Онуфрию. Однако следует отметить, что при всей популярности праздников в честь этого святого, преданий о нем среди местного населения было записано значительно меньше, чем о Никандре. Его называют божественным и рассказывают, что он долгое время “лежал, закованный в грузы”. На могиле Онуфрия на Мальском кладбище служили по праздникам для больных молебны. Из-под церкви вытекал ключ, вода которого считалась целебной, туда бросали деньги, умывались. Местные жители ходили в Малы по завету. Приносили новые полотенца, снятые с больного носки, чулки, но не клали их на могилу, а отдавали в церковь.

В д. Турок был записан законченный текст об исцелении на могиле св. Корнилия в Крыпецком монастыре. С могилы берут песок. Неподалеку есть источник с целебной водой, в котором купались, туда же бросали монеты. По сведениям одного из информантов кости св. Корнилия вырыли и “хоронят где-то как Ленина, показывают за деньги”.

Анастасия Костинская известна большинству опрошенных информантов. Ее не называют святой, но некоторые говорят о ее способности к лечению. Встречено упоминание о ней как о блаженной, богомольной. Анастасия, жившая в д. Костино, с 17 лет лежала без движения. В течение всей жизни к ней ходили люди, благодаря чему она никогда не бедствовала. Похоронена Анастасия на кладбище в Изборске. Могила ее не

пользуется особым почитанием, но некоторые местные жители приносят туда что-нибудь из продуктов. О каких-либо предметах, приносимых на могилу в качестве заветов не говорилось.

Игнатьева О.П. (СПбГУ)

Представления о колдовстве, бытующие в Островском районе Псковской области

В настоящее время можно говорить о наличии в исследуемом р-не достаточно богатой информации, связанной с образом колдуна. Опрашиваемые помнят о том, что в той или иной деревне жили колдуны, либо люди, прославившие колдунами, и могут довольно точно сказать, когда такой человек умер.

Различают понятия “колдун” и “знахарь”, причем часто в рассказе подчеркивают, что тот или иной человек, прославивший в округе колдуном, таковым на деле не является (или не являлся), поскольку занимался исключительно лечением.

Широко распространены былички о превращении людей в различных животных. В некоторых случаях в роли оборотня выступают колдуны, в других — обычные люди, особенно участники свадебного поезда, которых колдун превратил в собак или волков. Не совсем понятен механизм подобных превращений. Опрашиваемые затрудняются назвать точный способ обратного превращения свадебного поезда: по одним сведениям, для этого нужно уплатить некий выкуп колдуну, совершившему порчу свадьбы, по другим — помочь может колдун, специально приглашенный на свадьбу, чтобы противодействовать попыткам остановить свадьбу, которые будут предпринимать колдуны враждебные свадьбе.

Четко различают понятия “сглаз” и “порча”. Сглаз происходит как специально, так и случайно. Часто встречается понятие “с радостного глаза”. Порча — всегда результат целенаправленных действий. Для порчи могут использовать наговоренные предметы, которые подбрасывают человеку, избранному в качестве объекта. Широко известны способы наведения порчи, связанные с покойниками. В частности, с использованием “покойницкой воды”, т.е. воды после обмывания трупов. Порча более опасна, чем сглаз, и если избавиться от сглаза можно самостоятельно, либо обратившись к любому колдуну или знахарю, то избавление от порчи обязательно требует вмешательства человека, обладающего знаниями.

Нередко порча настолько сильна, что не поддается лечению и приводит к смертельному исходу.

Чары колдуна одинаково действенны как в отношении людей, так и в отношении животных. В частности, проискам колдуна приписывают падеж животных на каком-нибудь дворе.

Можно сделать вывод, что представления о колдовстве в исследованном районе достаточно широки, но прослеживается утрата отдельных характерных черт, известных по данным XVIII–XIX вв. Влияние современных средств массовой информации приводит к трансформации образа колдуна, стремлению отождествить его с экстрасенсом.

Кузьмина Е.Б. (ПШИ)

Отражение некоторых представлений о грибах в народном сознании (на материале псковских говоров)

Грибы в народном сознании занимают особое положение. Это — особый мир, промежуточный между миром растений и миром животных. Такие названия в псковских говорах, как "волчий табак", "вороньи яйца" в значении "гриб дождевик", "зайцев боровичок" в значении "гриб подберезовик" и т.п. связаны с наименованиями диких птиц и животных.

Несмотря на убедительные утверждения М.М. Маковского о том, что "грибы символизируют плодородие, долголетие, обилие, силу, пищу", т.е. имеют положительную коннотацию, материалы говоров свидетельствуют о восприятии грибов как чего-то нечистого, чужеродного, опасного. В некоторых названиях прослеживается связь с представлениями о нечистой силе ("чертов табачок"), с инородцами ("еврейский гриб").

Грибы могут восприниматься как живые существа. Ср. в выражении из псковской речи: "В нас ф Казани грибы з глазами, их ядя — ани глядя."

Негативное отношение к грибам проявляется в том, что большинство названий грибов может употребляться в переносном значении при характеристике человека. Ср.: "волнуха" в значении "глупый, малоумный человек", "груздь" в значении "разговорчивый, болтливый человек" и т.п.

Во фразеологизме "сыпать рыжики", употребляющемся в значении "изменять", второй компонент переосмысливается в народном восприятии как наименование гриба рыжика. Например, в частушке: "Кагда сыплиш,

дроля, рыжики, сали пасалейней. Я, малодинькая девачка, забуду паскарей.” Фразеологизм "жечь рыжики" известен в псковских говорах в значении “делать известной измену одного из влюбленных, сжигая гребенку, бумагу в присутствии всех”.

Пурицкая Е.В. (СПбГУ)

Купёна-лупёна: о некоторых названиях растений в псковских говорах

Купёна-лупёна (купена-лупена, купена, купень, купон) — псковские названия растения *купена* (*Polygonatum*) семейства лилейных. В русских говорах этим словом называют до восьми видов лилейных, из которых в Псковском регионе чаще всего встречается купена лекарственная (аптечная) (*Polygonatum officinale*) — многолетнее растение с гибким стеблем и поникшими цветками, корневище используется в народной медицине и косметике. «Такая расла купена, коринь глубокий, патрёш, щека ясная станет.» «Купена-лупена — девчата мылись им, делаюцца красные, даже розавые, ана ат ламаты дабро» По внутренней форме часто ассоциируется с купальскими травами («Иван-да-Марья называют купёна-лупёна»), однако в купальской обрядности главную роль играют цветущие травы, а купена отцветает в июне. Причиной явного несоответствия может быть аналогия двойных названий.

Вместе с тем, наличие компонента *купал-* в названии растения (*купалин, купальня*) не всегда относит его к празднику Ивана Купалы. Так словом *купальник* называют и марьянник (Иван-да-Марья), и калужницу. В таких номинациях важен мотивировочный признак “растущий в воде, у воды”: «А шышка на канцэ у купалашника, он на балотистых почьвах растёт». Купена же растет не у воды, а на возвышенных местах, пригорках: “Купьна есть трава, а растет по горам и по буграм, а корень ... яко клюка кривь; а на нём рубежки и видом бъл и ядрень”. Этимологически слово *купена* можно возвести к общеслав. - *kir или - *кура - куча, груда, холм, блр. купа — густая заросль, группа растений, ср. псковское *куп, купина, купянка* — “кочка”, *купочек, купышек* — “холмик, поросший травой”, *купь* — “муравейник”. Отсюда же и др.-русск. *купьна* (купина) — “терновник”. Возможна и другая этимология — производное от корня глагола –*kiriti “тлеть, гореть” со значением производящего слова “издавать запах”.

Загадочен и второй компонент — *лупёна* (*лупена*), хотя его можно связать со словами *луна* "корка, струп" и глаголом *лупить* "обдирать, сдирать кожу" или "бить". Вариант *лапёна* является, видимо, народной мотивацией, весьма распространенной у фитонимов — по сходству листа с лапой. В любом случае сближение слов *купёна* и *лупёна* основано на созвучии по типу рифмы, причем "лежащий в основе народной этимологии принцип семантического притяжения созвучных слов независимо от их этимологического родства имеет более общий характер и входит в этимологическую магию". Так на чередовании рифмованных слов — четного и нечетного — построено гадание: «*Накапали мы корни, купёна, лупёна, пригаваривали, съсчитаем [листья]: купёна, лупёна, если пьследний лист лупёна, нельзя мыцца.*» Так определяют, насколько ядовито растение, так как сок купены вызывает сильное раздражение кожи. На ядовитые свойства купена указывают и синонимы с компонентом *волчий* (*волчья трава, волчьи глаза*). Кроме того, сама форма корня со следами отмерших листьев наделяет растение магическими свойствами (*соломонова печать*). Таким образом, народные названия растений — сфера активного проявления народной мотивации и "этимологического сознания" носителей языка.

Борисова Т. Ю. (СПбГУ)

Гадания как элемент традиционной обрядности у населения юга Ингерманландии

Материалы полевых исследований на территории Волосовского и Гатчинского р-нов Ленинградской обл., собранные летом 1998г., позволяют сопоставить традиционные формы гадания у русских и ингерманландских финнов.

Гадание являлось необходимым элементом празднования Иванова дня и Рождества. Эти разные по обрядности праздники имели два общих элемента — озорство, "хулиганство" молодёжи и гадание девушек. Гадали исключительно девушки. Предметом гадания было предстоящее замужество. Способы гадания в Иванов день отличались от рождественских гаданий.

В Иванов день и русские, и финские девушки ходили в поле заплетать через голову косу из колосьев ржи. Если на следующий день коса была расплетена — идти под венец. Сны в Иванов день считались вещими, если

под подушку положить определённый набор трав (12 цветов разных видов в сочетании с Ивановой травой или по 3 цветка 9-ти видов). Очень распространённым было гадание “на петуха”: каждая девушка насыпала кучку зерна, чью петух клюнет – та выйдет замуж. В д. Лисино Волосовского р-на зафиксирован следующий способ гаданья: в Иванов день девушка мыла пол голая, если зайдёт какой-нибудь мужчина (не родственник) – будет мужем.

В канун Рождества основными были гадания “на петуха” и “на дрова”: если украденные дрова раскладывались по парам – быть невестой. Кроме того глядели в воду, слушали имя жениха на перекрёстке, кидали сапог. Реже встречаются свидетельства о гадании на сны. Характерно то, что набор предметов, кладущихся под подушку в Иванов день, отличался от тех, что клали в канун Рождества. В д. Донцо Волосовского р-на зафиксирован такой способ гадания на сны в рождественские дни: девушка незаметно клала родителям под подушку сковородку, а утром приходила со сковородником спрашивать о вещем сне.

Гадали в доме. Исключением является гадание “на богатого жениха”: вечером девушки шли в баню и там оголяли заднюю часть; если “погладит” мохнатой рукой – богатый жених, голой – бедный.

Полученный материал позволяет сделать вывод об отсутствии различий в способе, времени и месте гадания у русских и финнов, проживавших на юге Ингерманландии.

Налетова Н. (ПШИ)

Названия деревьев и кустарников в псковских говорах (лингвоэтнографический аспект)

Познавая окружающий мир и собственное бытие, человек обращается к природе, выделяя в ней то, что является для него жизненно важным. Среди ботанических реалий особую значимость имеют деревья: они служат строительным материалом, лекарственными средствами, цветущие ветви деревьев и кустарников используются как украшение. В народном сознании бытует представление о многоэтажной Вселенной, в центре которой находится космическое древо — ось мира, сердцевина мироздания, интегрирующая весь космос в единое целое.

В народной мифологии, в традиционных действиях особую роль играет береза. С незапамятных времен она почиталась как священное дере-

во. Значимость березы обусловила не только обязательную ее номинацию в псковских говорах, но и детализацию и дифференциацию по различным признакам. В псковских говорах имеются и родовое название дерева береза, и видовые (глухая береза “Betula alba”; найская береза “Betula pubescens”; плакущая береза “Betula pendula” и др.).

В фольклоре береза является воплощением умершего человека, загробным деревом (ср. псковский фразеологизм (далее — ФЕ) под березки лечь — “умереть”, свидетельствующий о балто-славянских этноязыковых контактах: в Литве на кладбищах чаще растут сосны, березы; с названиями этих деревьев у литовцев устойчиво ассоциируется смерть (ср. ФЕ ро berziukas vaziuoti — “умереть”; буквально — “под березками ехать”).

Многие названия деревьев в псковских говорах являются общими и для литературного языка. Но есть и собственно псковские фитонимы (глушина, “береза с мелкими гладкими листьями и шишками на ветвях” — “Betula alba”; елынец “можжевельник” и др.).

В основу номинации деревьев положены разные признаки: внешний вид (глухоелка — “можжевельник”; висла — “ива” “Salix”); запах (душмянка — “тополь”); место произрастания (брэд — “ива” “Salix”, это слово восходит к глаголу брести в старейшем значении “переходить реку или вообще мелкое место вброд”; а ива растет часто на сырых местах); функция (божья деревинка — “верба”).

Названия деревьев могут участвовать в семантической деривации, входя в состав компаративного оборота (Сыны выросли, каг дубы, в яе) или в состав ФЕ (натрясти грушу — “наказать побоями, задать трепку”). ФЕ разлюлю малина обычно означает высокую степень опьянения: “На каждой могиле мы сабирались кучей и па стопачке выпьем. А оттуда уйдем уже разлюлю малина”; и сама “высокая степень” позволила использовать эту единицу и для характеристики хорошей жизни: “А живут аны разлюли малина. Дай бох всем так жыть (т.е. “очень хорошо”).

Изучение лексической группы “Названия деревьев и кустарников” представляет интерес как для лингвистов, так и для фольклористов и этнографов, и всех, кто интересуется русской культурой, поскольку дерево — всеобъемлющая, фундаментальная конструкция природы. Разные стороны “жизни” этих реалий находят свое отражение в их народных названиях.

Филиппова А. (академическая гимназия СПбГУ)

Народные представления о «двиге»

Доклад построен на материале устных народных рассказов о так называемой “двиге” (“червонном гаде”), записанных фольклорно-этнографической экспедицией Академической Гимназией СПбГУ в 1997-1998 гг. в Андреапольском р-не Тверской и Тихвинском р-не Ленинградской областей. Как правило, по описанию двига представляет собой множество небольших червяков, двигающихся сплошной лентой, что напоминает змею. Время появления двиги — в конце лета, начале осени — может быть приурочено к жатве и совпадает с периодом наибольшей активности змей и последующего их исчезновения (Воздвиженье).

Мифологическое осмысление червонного гада вообще во многом вырастает из змеиной символики, но не эквивалентно ей. Из-за особого характера мифологической логики, в представлениях о змее уживаются противоречивые, разнородные и взаимоисключающие характеристики. Одна из важнейших особенностей, пронизывающая весь комплекс представлений о змее — двунаправленность ее характеристик. Образ двиги, напротив, не амбивалентен. Двига приносит только счастье и пользу, она не ядовита, не кусается, используется в народной медицине и магической практике только с позитивными целями. Обладание двигой может принести вред только в том случае, если нарушить определенные запреты в обращении с ней.

В ряде традиций можно наблюдать тенденцию к преодолению семантической двойственности, амбивалентности единого образа змеи, в результате чего отрицательное начало сосредотачивается в женском образе змеи, а носителем положительного становится уж как традиционно мужской персонаж. Двига и червонный гад как два местных воплощения одного образа, по-разному интерпретирующие его по признаку пола, не имеют такой разницы.

Одна из основных характеристик двиги (впрочем, как и змеи) — ее ярко выраженное хтоническое начало. В связи с этим можно выделить несколько основных сфер ее магического использования:

- а) двига — клад, который можно взять, зная определенный заговор;
- б) червонный гад используется при гадании;
- в) двига помогает в уборке и хранении урожая: придает в жатве “скорость и спорость”, если ее запустить в амбар, то зерна будут лучше храниться.

Двигой может называться способ передвижения различных гадов и насекомых (саранча, муравьи, змеи и т. д.). Это движение единым потоком, состоящим из множества однородных “микроэлементов”. Двига — целостный организм, совокупность множества в единстве. Нарушение

этого единства несет за собой наказание ("одного червяка высушишь — корова высохнет").

Изучение народных представлений о червонном гаде представляется чрезвычайно перспективной темой для этнографов и фольклористов. Ближайшими задачами, на наш взгляд, являются выяснение ареала их распространения, выявление близких явлений в верованиях других народов, фиксация и лингвистический анализ различных русских наименований с использованием диалектологических и исторических данных.

Иванкова Н.А. (СПбГУ)

Демонология и представления о колдовстве в Южном Приладожье и в регионе среднего течения реки Сясь (по материалам экспедиции 1998 г.)

Разграничить темы колдовства и демонологии сложно: колдун понимается как связующее звено между человеком и сверхъестественными силами. Термином "колдовство" здесь обозначается и благотворная, и вредоносная магия, т.к. в описываемых регионах термин "знахарство" малоупотребим. В Южном Приладожье деятельность колдуна включает в себя лечение людей и скотины. Умиравший колдун передает свою силу рукопожатием, в других случаях передачу силы описывают как процесс обучения. Заговорами можно делиться только с младшими. Специфика Приладожья — в том, что колдовство не предосудительно само по себе, осуждается нанесение вреда. До войны колхозы заключали сделки с колдунами для защиты скота от хищников. Церковь поощряла благотворную магию, более того, когда церковь в Дубно закрыли, службы проводились местной колдуньей у нее дома, и никто из дубенцев не находил это странным. Отчасти подобное отношение можно объяснить влиянием соседей, староверов-беспоповцев.

Материал по демонологии здесь небогат. Верят в домового (ласку), чертей, русалок и *заводило*. Рассказы о заводиле зафиксированы в Лигово. Функция этого персонажа — сбивать с дороги. Черти упоминаются в связи с колдовством и гаданиями, кроме того, как и заводило, они шутят над путниками. Считается, что черти собираются в церквях в "*черное время*" — с 2 до 4 часов ночи. В водяного не верят, но водяной угадывается за образом Св.Николая. В Николин день лодки окропляли святой водой. В носовую часть лодок дубенцы клали икону, а лиговцы (староверы) — высушенную летучую мышь. Домовой-ласка заплетает гривы лошадей

в косы и беспокоит скотину. На ласку ставят капканы, но, убив, никому не показывают: у ласки “глаза человечьи”. Рациональное отношение к иррациональному, заметное в представлениях о ласке-домовом, вообще характерно для данного региона, и те же староверы после повествований о нечистой силе добавляют, что “*черти — они в голове водятся*”.

В бассейне р.Сясь рассказывают о существовании Черной книги, которой обладает колдун. Если в Приладожье полагают, что от колдуна зависит, как распорядиться магической силой, то в бассейне р.Сясь верят, что чем сильнее колдун, тем сильнее его тяга к вредоносной магии; магия как таковая считается грехом. Говорят также, что тяжелая смерть колдунов посылается им Богом за то, что те “с Врагом знали”. Иногда у колдунов живут черти, способные принимать облик животных. Обзавестись чертями-помощниками могут и обычные люди. Чертей нужно кому-либо передать перед смертью. Материал по демонологии здесь обширней, чем на Ладожском побережье. Детей пугают *букой* и *щукарём*. Рассказывают о Лесном хозяине — старике с колокольчиком, сбивающем с пути в лесу. Заблудившихся старик “кормит ягодами с куста, а поит росой с листа”. След его выглядит как след раздвоенного копыта. Верят в червонного гада, исполняющего желания. Верят также в баенника. Если человек войдет в баню ночью и, написав на двери: “Такой-то был и ушел”, закроет ее за собой, то уже никогда не вернется. Овинник упоминается только в рассказах о гаданиях. Чаще конкретные персонажи заменяются персонажем собирательным — нечистой силой. В данном регионе с нечистой силой связывают и пастушескую магию.

Пастушеская магия известна и в Приладожье, и в бассейне Сяси. На побережье Ладожского озера считается, что пастух берет обход у кого-либо из колдунов (обходом называется здесь как обряд, так и предмет или заклинание, получаемые пастухом от колдуна либо принадлежащие самому пастуху). Пастух обходит стадо на Егорья — при первом выгоне. После войны обходы почти не практикуются. В бассейне Сяси известны обход по божьему благословению и обход с помощью нечистой силы. Первый выглядит так же, как и в Приладожье, но здесь скотину иногда прогоняют под специально сооруженными воротами. Аналогичные ворота ставили во время мора, когда скотину гнали через “живой огонь”. “Нечистый” обход пастух получал у колдуна. Это некий сверток, в который не должен заглядывать и сам пастух. В конце сезона обход либо теряет силу сам, либо его нужно “сдать” — положить в муравейник. Обычно такой обход требует принесения жертвы нечистой силе: если в жертву приносится вещь, ее уничтожают, если корова — она пропадет в течении

сезона. Таких коров находят при помощи колдуна, и всегда застрявшими между двух деревьев. Спасти "завещанную" корову невозможно. В наши дни обход ("чистый") совершается в Хвалове колдуньей, уроженкой Алтая.

Точки слома традиций — война и перестройка, а не коллективизация, как принято считать. Если колдовство до сих пор распространено, то большая часть поверий — достояние памяти. Однако отдельные эпизоды (например, проведение обхода в Хвалове) позволяют предполагать возможность частичного возрождения традиционных воззрений.

V. Методика и результаты полевых исследований

Ушаков Н.В. (МАЭ РАН)

Методика фиксации этнографической информации в полевых условиях и применение ее для дальнейшей архивации и музейной регистрации

Методика проведения полевых этнографических экспедиций была разработана Г.Г. Громовым. Им был также рассмотрен вопрос о методике фиксации материала в полевых условиях, хотя в качестве отдельной темы работы экспедиций методика фиксации полевой информации не выделена. Доклад посвящен именно этой теме — фиксации материала в полевых условиях с целью его дальнейшей архивации и музейной регистрации.

Методика этнографических экспедиций, разработанная в 60-е гг., сегодня несомненно устарела, так как в последние десятилетия в полевой работе стали более широко использоваться технические средства: фотоаппараты, магнитофоны, видеоаппаратура и т.д. По сравнению с 60-ми гг. современные технические средства обладает большими возможностями (например, громоздкие магнитофоны сменились компактными диктофонами и т.д.) и более просты в эксплуатации. Соответственно, произошел качественный скачок в техническом обеспечении исследований.

В настоящее время значительно увеличились виды собираемых материалов каждым сотрудником экспедиции: это и обычные записи в полевом дневнике (по-прежнему основная форма фиксации), это и обычный иллюстративный материал (рисунки), но вдобавок к этому фотоматериалы, аудиоматериалы, и даже, в отдельных случаях, видеоматериалы. Компактность, надежность, простота использования современных фотоаппаратов и диктофонов, качество и надежность современных фото- и аудиоматериалов значительно сократили технические потери при фотофиксировании и аудиозаписи.

Последние достижения поставили следующую проблему: корреляции в самом поле всех видов собираемых материалов: текстовых (полевые дневники), иллюстративных (рисунки), фото-, аудио- и видеоматериалов. Нередко сейчас собиратель в ходе исследования получает за одну поездку такое количество разного рода источников, что при камеральной обработке просто не может провести их взаимную корреляцию. Соответственно, происходит потеря фактического материала, в значительной степени обусловленная отсутствием методики фиксации разных видов материалов еще на стадии полевого исследования.

В поле информация собирается с целью ее дальнейшей архивации и музейной регистрации. Полевые рукописные материалы сдаются в архив в виде рукописей — полевых дневников. По правилам, рукописный вариант должен дублироваться машинописной копией, так как почерк исследователя-полевого не всегда легко читается. Копию обычно делают с опечатками и исправлениями, и максимально в 2–3-х экземплярах, эта длительная и сложная работа на практике себя не оправдывает. В резуль-

тате полевые материалы хранятся в рукописном виде, что значительно снижает возможность пользования ими.

Сейчас широкое бытование компьютеров оправдывает длительную работу по созданию компьютерной версии и распечатке полевых материалов в дополнение к рукописному оригиналу, так как возможно любое количество копий (полностью и фрагментов) в компьютерном виде (дискеты) и в форме распечатки.

Необходимо отметить также, что в публикацию из-за лимита объема типографской продукции идет лишь незначительная часть полевого материала, поэтому очень важно, чтобы собранные в поле источники хранились в архиве в удобной для пользования форме: рукописные тексты (оригинал), распечатки, компьютерная версия (жесткий и мягкие диски).

Такая полная архивация и музейная регистрация полевого материала возможна только в том случае, если четко выполнена первоначальная стадия — все виды собираемых материалов тщательно фиксированы в самом поле и между ними проведена корреляция. Это возможно только при наличии методики фиксации полевого материала в период проведения экспедиции.

Следует отметить еще одно обстоятельство: этнографы XIX в. при отсутствии технических средств более тщательно, чем наши современники собирали и хранили в архивах полевые материалы, не жалея сил и времени на их необходимую переписку. Все современные исследования базируются на этих тщательным образом собранных и архивированных источниках. Этнографы XX в. при наличии многих технических средств, к сожалению, меньше внимания уделяют работе с полевыми материалами, и они порой как бы забывают, что историки работают с сохранившимися историческими источниками, а этнографы в процессе полевой работы их создают, поэтому на них ложится особая ответственность за качество сбора, фиксации, архивации и регистрации.

В процессе совместной работы с кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ по программе “Интеграция” автором в мае–июне 1998 г. была разработана новая методика фиксации полевого материала. Основанием для ее создания стал опыт полевой работы автора и его личные наблюдения над фиксацией этнографической информации в условиях экспедиции. Эта методика использовалась в качестве руководства во всех отрядах этнографической экспедиции кафедры в июле 1998 г. Использование новой методики в поле было проверено автором во всех отрядах и на всех стадиях: в первом отряде — на начальной стадии, во втором и третьем отрядах — на промежуточных стадиях, в четвертом отряде — на заключи-

тельной стадии. Методика выдержала испытание, позволила четко зафиксировать разные виды полевой информации и провести в поле их корреляцию.

Следующим этапом работы будет создание аналогичной методики по архивации и музейной регистрации полевого материала в камеральных условиях. Пробные разработки автора по архивации и музейной регистрации полевого материала в полном варианте — рукописные тексты, компьютерный набор, распечатки — показали, что затраты труда по времени при этнографическом исследовании выглядят так: одна пятая времени уходит на сбор материала в поле, четыре пятых — на камеральную обработку. Это ставит вопрос об очень серьезном отношении к камеральной обработке при планировании этнографических экспедиционных работ.

Основные моменты методики фиксации полевого материала в полевых условиях.

1. Разделение полевого дневника на две части: тетрадь полевых записей (основной материал) и блокнот оперативных записей (оперативный материал: имена и адреса информантов).

2. Составление перечня всех видов собираемых материалов: текстовых (записи в тетради), иллюстративных (рисунки), фото-, аудио-, видеоматериалов.

3. Разделение тетради полевых записей (основной материал) на несколько дневников, соответственно видам полевой фиксации: дневник полевых записей (текстовая рукописная информация), дневник иллюстративного материала, дневники фото-, аудио- и видеоматериалов, где содержится вся информация об этих материалах. Сведение всех дневников в одну тетрадь упрощает фиксацию и уменьшает возможность потери.

4. Введение тройной нумерации листов в тетради полевых записей: формальной нумерации (подсчет листов тетради для деления на дневники); рабочей нумерации (раздельная нумерация каждого дневника, что позволяет точно сослаться на любой лист в процессе полевой работы, когда тетрадь полевых записей еще не окончена); окончательной общей нумерации для архива (по окончании полевой работы).

5. Введение нумерации всех уровней полевого материала и всех его видов, от отряда и его сотрудников до конкретного дневника и его листа, до конкретных фотопленки и кадра, аудио- и видеокассет и записей на них.

6. Введение системы отсылок - смысловой корреляции собранных материалов как между видами материалов (текстовые, фото-, аудио-), так

и между материалами сотрудников отряда и между материалами отрядов. Данная система позволит: а) вести сбор материала в поле в четком классифицированном виде; б) относительно легко провести архивацию и музейную регистрацию полевого материала; в) свести к минимуму потери фактического материала.

Новожилов А.Г. (СПбГУ)

Основные итоги этнографического изучения Печорского района Псковской области

Историческое и этнокультурное развитие Печорского края на протяжении XVI–XX вв. во многом определялось влиянием Псково-Печорского монастыря. В географической номенклатуре этот регион именуется Обозерьем и находится в южном Причудье.

Здесь сложилась особая региональная группа православного населения. Этнически ее можно охарактеризовать как гетерогенное сообщество русских и сету.

В XIX в. административно территория расселения этой группы полностью входила в Псковский у. Псковской губ. События XX в. привели к активизации этнических процессов в регионе. После подписания Юрьевского договора (1920 г.) весь Печорский край, где собственно эстонцы составляли наименьшую долю населения, отошел к Эстонии. Это привело к эстонизации сету и дальнейшему обособлению группы Печорских русских как от основного русского массива, так и от частично эстонизировавшихся сету.

В 1944 г. в результате разграничения территорий РСФСР и ЭССР ареал расселения этнокультурной Печорской группы русских и сету оказался расколотым. На территориях, вошедших в состав РСФСР, был организован Печорский р-н Псковской обл.

При формальном существовании внутрисоюзных границ это разделение не осложняло бытовые контакты, хотя разрыв в уровне жизни между республиками положил начало обособлению условно “российских” и “эстонских” территорий.

После объявления Эстонией в 1991 г. независимости, формальная межреспубликанская граница превратилась в государственную, и теперь можно говорить о разрыве единого этнокультурного поля, что закрепляется, в частности в разделении церковных приходов и переориентации экономических связей соответственно на Псков и Выру.

Полевые этнографические исследования в Печорском районе были начаты в 1993 г. Планомерное изучение сетуского и русского населения района ведется с 1996 г. Исследования в равной степени велись как среди русского, так и сетуского населения.

Установление в Печорском крае режима Государственной границы создало бюрократические препятствия для осуществления полевых исследований на всей территории расселения изучаемой этнокультурной общины. Именно поэтому наши выводы касаются в первую очередь той части населения Печорского края, которая осталась в составе РФ.

В изучаемом регионе, по данным полевых исследований, обнаруживается внутреннее единство протекавших этнокультурных процессов. Это в равной степени относится ко всем сферам: духовной и материальной культуры, социальных отношений.

Характерно в этом смысле выделение русским населением Печорского района себя из среды русских вообще. Сету, как показали наши исследования, ощущают себя отличным от эстонцев этносом.

В плане исследования материальной культуры было предпринято детальное изучение системы хозяйства населения района. Изучались изменения в принципах наделения крестьян угодьями, особенностях землепользования, технологии земледелия и животноводства.

Обращалось внимание на изучение традиционного жилищно-хозяйственного комплекса русских и сету, отражающего специфику хозяйственных занятий.

Нами было предпринято исследование особенностей социальной организации населения края на различных уровнях: приходов, школьных округов, групп деревень, объединенных единым циклом престольных праздников, внутридеревенских концов. Были изучены изменения социальной системы в советское время в ходе формирования колхозов.

Результаты этих работ позволили выйти на проблемы социологических аспектов обрядов календарного и жизненного циклов. В частности, особенностей брачного поведения, обрядового общения, специфики взаимодействия трудового и праздничного циклов.

Данные нашего исследования позволяют говорить о единстве исследуемой территориальной общности в этнокультурном и этнопсихологическом планах. Ее представители еще и сегодня противопоставляют себя, в первую очередь, эстонцам, и менее явно, русским вообще (“советским”). При этом наиболее очевидное внутригрупповое разграничение обнаруживается на уровне групп поселений.

Содержание

Предисловие. А.В.Гадло	3
I. Некоторые общие итоги исследования	
Егоров С.Б. (СПбГУ) Особенности традиционной культуры и этнокультурная ситуация в Южном Приладожье и бассейне р. Сясь	7
Королькова Л.В. (РЭМ) Основные итоги полевых исследований Российского Этнографического Музея на северо-востоке Ленинградской области в 1996–1998 гг.	9
Смирнова С.С. (СПбГУ) Материалы из фондов Национального архива Республики Карелия как источник по истории Олонецких приходо	10
Егорова Е. (ППИ) Славянские имена вчера и сегодня (на материалах диалектологических экспедиций)	12
Григорова Н., Петрова Н., Лекарева Л.А. (ПОЦРОШ) Скобарь и другие прозвищные наименования лица в д. Вышегород (Дедовичский район Псковской области): этнолингвистический аспект	13
Королькова И. (СПб Консерватория, ФЭЦ) Вопросы жанровой классификации лирических песен северо-западных областей России (по материалам фольклорных экспедиций Санкт-Петербургской Консерватории и Фольклорно-этнографического центра)	16
Малинова О.Ю. (СПбГУ) Жизнь псковской деревни советского периода (по материалам экспедиции 1998 г.)	18
Привалова О.Е. (СПбГУ) Колхозный быт и колхозные праздники в псковской деревне (по материалам экспедиции 1998 г. в Островский район Псковской области)	20
Чистяков А.Ю. (СПбГУ) Особенности традиционной культуры населения Южной Ингерманландии в первой половине XX в. (по материалам этнографической экспедиции 1998 г.)	21
II. Хозяйственная деятельность и материальная культура	
Верняев И.И. (СПбГУ) Традиции землепользования и их изменения в первой половине XX в. (по материалам полевых исследований в Воронцовской волости Островского района Псковской области)	24
Попов М.О. (СПбГУ) Поселения и жилища русского населения в	26

Южном Приладожье и в бассейне среднего течения р. Сясь	
Лебедева А.А. (СПбГУ) Рыболовство в Южном Приладожье	27
Чехонин А.О. (СПбГУ) Хозяйственно-жилищный комплекс и его функционирование у населения Печорского района Псковской области	29
Карякин А.Ю. (СПбГУ) Строительная техника и планировка жилищных и хозяйственных построек у населения Островского района Псковской области	31
Кочукова Н.М. (СПбГУ) Обработка льна и ткачество у населения Южного Приладожья и среднего течения р. Сясь (по полевым материалам 1998 г.)	33
Серченя М.В. (СПбГУ) Повседневная пища русского населения Печорского района Псковской области	35

III. Традиционная обрядовая культура

Старовойтова М.В. (СПбГУ) Опыт сравнения некоторых элементов северно- и южнорусского свадебного обряда (по материалам полевых наблюдений 1997 г.)	38
Позднякова А.С. (СПбГУ) Свадебная обрядность русских Псковского края (по материалам этнографической экспедиции 1998 г. в Островского района Псковской области)	39
Красовская Ю.С. (СПбГУ) Традиционная свадебная обрядность населения Волосовского и Гатчинского районов Ленинградской области в первой половине XX в. (русские и ингерманландские финны)	42
Оселедько Ю.В. (СПбГУ) Свадебная обрядность русских Волховского района Ленинградской области	43
Кульматова Т.В. (СПб БАН) Дети в свадебном обряде (на новгородском материале)	45
Радецкая К.В. (СПбГУ) Традиционное воспитание детей и подростков сельского населения Печорского района Псковской области	47
Холодная В.Г. (СПб РЭМ) Драки во время праздничных весенне-летних гуляний как элемент молодежной культуры (по материалам экспедиции РЭМ в Пестовский район Новгородской области)	48

IV. Народные верования и представления

Мельникова Е.А. (СПбГУ) Почитаемые персонажи Печорского	
---	--

района Псковской области (Изборск и его окрестности)	51
Игнатьева О.П. (СПбГУ) Представления о колдовстве, бытующие в Островском районе Псковской области	53
Кузьмина Е.Б. (ППИ) Отражение некоторых представлений о грибах в народном сознании (по материалам псковских говоров)	54
Пурицкая Е.В. (СПбГУ) <i>Купёна-лупёна</i> : о некоторых названиях растений в псковских говорах	55
Борисова Т.Ю. (СПбГУ) Гадания как элемент традиционной обрядности у населения юга Ингерманландии	56
Налетова Н. (ППИ) Названия деревьев и кустарников в Псковских говорах (лингво-этнографический аспект)	57
Филиппова А. (Академическая гимназия СПбГУ) Народные представления о “двиге”	59
Иванкова Н.А. (СПбГУ) Демонология и представления о колдовстве в Южном Приладожье и в бассейне р.Сясь	60
V. Методика и результаты полевых исследований	
Ушаков Н.В. (СПб МАЭ) Методика фиксации этнографической информации в полевых условиях и принципы ее дальнейшей архивации и музейной регистрации	63
Новожилов А.Г. (СПбГУ) Основные итоги этнографического изучения Печорского района Псковской области	66
Содержание	69

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
(ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1998 г. В ЛЕНИНГРАДСКОЙ,
ПСКОВСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ)**

III Межведомственная научная конференция аспирантов и студентов
(Краткое содержание докладов)

Редактор *Л.А.Кулакова*

Макет и компьютерный набор *Верняев И.И., Новожилов А.Г.*

Подписано в печать 21.11.98 Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 150 экз.

Издательство СПбГУ. 199034, С-Петербург, Университетская наб., 7/9.